

Вечер чистый, прозрачный, сухой. Верещат, скачут по земле воробьи, ищут что-то в пыли. Ноют над ухом комары — и это в радость! Так соскучились по лету — от жужжанья мухи улыбнешься! Весна. У забора топорщится резным колючим кустиком крапива — в «солдатский» борщ ее, милую! Распустились алые тюльпаны, шелковисто шевелятся под дуновеньем ветра. И слива, и вишня — будто под венец снарядились. И невидимое, но так ясно уловимое облако аромата. А вот и он... щелкнул раз, другой, упала полная капля звука, вторая, и покатилося — соловей. Замрешь, не шевелишься, не дышишь даже какую-то минуту, чувствуя со всех сторон веянье весны.

Визжат ребятишки, пинают чулок, набитый тряпьем — футболисты! Девочки стекляшку гоняют по квадратам, в классики играют и отдыхают в «раю». Две, постарше, вращают веревку, будто цепом бьют по земле: Катюшка скачет, ногами не путается, но с именами — затык!

— Я знаю пять женских имен: Соня, Люба, Катя — и-и... хоть ты тресни.

— Пропала!

— Не пропала, не пропала! Знаю! — кричит и давится от хохота. —

Женя!

— Женя — мужское.

— Не «мурское!» — Даже вена вздулась на шее. — У нас сестра Женя.

— Все равно мужское.

Катька от удивления села, выставив заблестевшие натянувшейся кожей колени.

— У нашей Жени — «мурское» имя? — выговорила по-мальчишески. — А «Катька»?

— А Катька — бабье.

И уж другая девочка скакала, белкой вертелась внутри гудящего колеса, и на весь двор звенело: «Роза, береза, мак, василек!»

У ребятешек приключилась какая-то хлюзда, орала друг дружке в лицо и готовы были сцепиться, покатиться клубком по земле. Весна. Скоро каникулы!

И тут случилось это, будто город дрогнул, присмирел — поплыло туманами волнами: бом-м, бом-м, бом-м. Благовест. Весь город давно «обезязычал», только эта колокольня все зовет и зовет к покаянию и молитве. И даже видно, как дергает веревки звонарь, будто выплясывает там, в вышине, на уровне летучего облачка. И с этой самой колокольни упал когда-то Проша Мошнин, ставший к концу жизни святым Серафимом. И как не разбился? Говорят, ангел-хранитель успел подхватить в воздухе. Наверно, так и есть. Не может человек упасть с такой высоты и не повредиться. «Все в руке Божией», — любит повторять папка. И Катюшу будто что подталкивало, мыло изнутри, забраться на колокольню, набрать полный рот воздуха и прыгнуть вниз на церковный двор — чтобы ангел подхватил пуховыми крылышками и поставил посередине двора, рядом с мраморной тетей и двумя детками.

Она там лежит. Под землей. А детки остались жить. И теперь уж, наверное, выросли и стали взрослыми и даже совсем старенькими, как тетка Акулина со второго этажа. Но не только радостью весне жив человек, а еще и хлебом. Катька следила в эту секунду за движением ноги звонаря — но только Димка затынул сирым голосом малолетнего курильщика:

— Сорок один...

Что-то бойко взыграло в ней и перекрыло режущим голосом:

— Сорок восемь — половинку просим! — И какая-то сила уже подносила к соседу, и пальцы, трепеща и хищно царапая воздух, тянулись к скибочке хлебца. Все это было, конечно, игрой! Он совершенно спокойно мог смолотить свой хлебушек у себя дома или по пути, на лестнице. Но нет, понадобилось выйти во двор и устроить свалку — обе футбольные команды накинулись стайей голодных волков, и с рыком, визгом и смехом кусочек был истерзан на крошки и алчно проглочен. Катьке досталась маленькая корочка и, прежде утонув в сладкой слюнке, превратилась в кашу на сахарно-белых зубах и как-то незаметно растаяла, не дойдя до пищевода. И весь двор счастливо блестел глазами и облизывался и причмокивал, хоть причмокивать и облизываться, конечно же, не с чего. Крошечка хлеба не только не утолила, а нагнала еще больший аппетит, и каждый косился в сторону своих окон, ожидая, не позовут ли протяжно и медоточиво: «Ребятишки, ужинать!»

На ужин не зовут. В игре — «пропала». Вздохнув, отошла к церков-



Зеленко Екатерина
Ивановна.

14.09.1916 – 12.09.1941

Звание – старший
лейтенант.

Должность – зам.
командира авиаэскадрильи
135-го
ближнебомбардировочного
авиаполка.

В Красной Армии с 1934
года.

Домашний адрес – г.
Воронеж, ул.
Комиссаржевской, д. 1, кв.
16.

Комсомольский билет №
7463250.

<http://www.rbcinternet.ru/user/victor9/>

ной ограде. Каштаны в цвету, будто розовые свечи на зеленом блюбочке листьев. Ель — аккуратная, точно кто ее расчесал, и пестрая от молодых кисточек — их тоже можно есть.

— Катька молится! — кривляясь, тыкал пальцем Димка. — Богомолка! Богомолка!

— Я на цветы гляжу, дурак! — прокричала грубо и визгливо.

— Богу молилась, я видел!

Молиться теперь считалось очень позорно — нижняя губа Катьки покривилась, выворачиваясь красной изнанкой. Какую-то минутку не знала, заплакать или кинуться в драку, но что-то в ней вдруг переключилось, и выговорила бесцветно и определенно:

— Тебя Бог накажет.

Димка дрогнул, обернулся на ребятишек.

— Не накажет, — усмехнулся одной половинкой рта. — Бога нету. — Но по всему заметно, как крепко смутилась его атеистическая душа, и смотрел на Катьку уже косо, ожидая неприятностей.

— Тебя Бог убьет, — пообещала и отвернулась, а у только что ликовавшего Димки на душе стало сумрачно и серо.

И деревья от налетевшего ветра зашумели строго, грозно, предупреждая о чем-то. Ребятишки гоняли самодельный мяч и знать ничего не хотели. Димка уж пожалел, что выскочил один на один против всемогущего Бога. А вдруг да есть? Не напрасно же строят церкви и звонят колокола.

Когда сорвешь нарцисс — из него идет вязкий сок, навроде сиропа. Соципнула листик — да! Сразу слезой выступил. Попробовала — сладенький... Разжевала травку — вкусная.

— Выплюнь, Катька! Сдохнешь! — закричал Димон на весь двор. — Катька — корова! Траву жрет! — Оглушило угрозой получить на веки вечные кличку «Корова!» Но опять-таки не кинулась в драку, а воспользовалась наповал разящим оружием:

— Митька в меня влопался!

— Я?! — ужаснулся тот. — В тебя?!

— Да. В меня, — роняла бесцветно. — За каждым шагом следишь. Девчачий пастух.

Многие оставили свои дела и теперь с алчной радостью упивались унижением Димона. Даже футболисты нашли маленькое мгновение ухмыльнуться в его сторону. И малыши из песочницы посмотрели изумленно и брезгливо.

Старшие девочки опять пригласили к себе — и подбежала к взлетающей дугой и через секунду хлещущей о землю веревке. Какое-то время следила за вращением, чуть приседая, прилаживаясь к общему движению, и вдруг скакнула внутрь и уже прыгала вместе с Клавкой, и хлопала в ладоши в такт щелчков веревки и визжала от счастья.

— Циркачка, — похвалила с осуждением старушка на лавочке.

Закаты в Курске бывают тихие, со щебетаньем трясогузок, с треском дроздов, и по временам из садов робкое пощелкивание молодых соловьев. В медово-золотистом воздухе плывет тополиный пух, небо бледно-сиреневое и бездонно-синее над головой. На сухой, прогретой солнцем лавочке, старушки следят за внучатами и вспоминают прошлое.

— Катька, шамила такая, будто заведенная — и скачет, и скачет.

— Это которых? Не Горбуновских ли?

— Зеленковых. — И горько вздохнули теперь уж на не шибко радостную жизнь семьи Зеленко.

— Это сколько же у них? Семеро или восьмеро ребятишек-то?

— Семеро! — колыхнулась саркастическим смехом Акулина. — А одиннадцать не хочешь?

— Одиннадцать! — хлопнула ладонями и покачала головой подружка. — Гляди-ка ты! Да-а...

Ласточки, едва не порезав бабушек крылом, с отрывистым звуком мелькнули у самого лица, взмыли к куполу церкви.

— О, будь ты неладна, — согрешила на божью птичку. — Это ведь к дождю разлетались.

— К дождю. Поясницу разломило.

— Муравьев приложь, — подала совет замшелая Акулина. — Поможет. — И опять замолчали и даже будто задремали слегка.

Девчонки у скакалки заспорили:

— Дай — я! — Меньшая так и рвет из рук: приспичило самой крутить.

— Ты не умеешь!

— Умею! — и отобрала-таки, и ну махать.

— Картошки напрутся — морда красная! — осудила Зеленковых бабка Акулина.

— К вам не придем — не бойтесь! — отбрила малолетняя Катька. Старушки так и опешили:

— Ушаста кака!

— Да и языкаста, слово в кармане не залежится.

Катька расслышала, и ответ уж трепетал, рвался с кончика языка — но только дернула плечом и принялась еще шибче крутить скакалку.

Старушкам не хватило души простить ее дерзость — наябедничали.

— Ну как же так? — гудел вечером глухим басом отец. — Да разве можно так-то. Старших надо уважать.

— Не всех! — вскинула подбородок непослушная дочь.

— Знай! Знай! — шлепнула мама ниже спины и за косичку дернула крепко. — Дожили: люди жаловаться бегут. Это до чего же ты достучишься, если сейчас от тебя никакого проходу?

Избежать наказания можно было как дважды два: только ответить, за что именно «напала на бедных старушонок». Но что-то запретило поминать «картошку и красные рожи». Мужественно вынесла трепку и даже что-то уяснила для себя наперед. Всхлипывала и глотала слезы, но прощенья просить отказалась! Родители, как и старушки, качали на нее головой да вздыхали. Пожалуй, их утешило бы в ту горькую минутку, если б знали, что на стене их дома со временем приколотят мемориальную доску: «Здесь до 1932 года жила Е.И. Зеленко». Но этого предвидеть им не было дано. И даже скажи тогда о будущей доске какой ясновидящий святой человек — весь дом лопнул бы со смеху.

2

Если есть на белом свете высшая мера наказания, то это прополка картошки. Все люди как люди — в прохладных струях Тускари, а тут томись, поджаривайся на медленном огне. И перед глазами радужное марево, плавятся кустики картошки и топорщится трава. И земля, будто не солнышко, а магма ее снизу раскалила, печет голую подошву, и уже не только тыпаешь, а и приплясываешь, как огнепоклонник на углях.

А всего в каких-то пятистах метрах свободные от огорода люди нежатся в прохладнейшей из рек, млеют в блаженной невесомости на низенькой волне, путаются ногами в цепких стеблях расцветших лилий и кувшинок. Нет! При коммунизме огородов не будет! Не должно их быть! Всю эту неподъемно-тяжкую работу свалят на какой-нибудь железный механизм. Он будет жариться на солнце. Едкий пот заливает глаза, на шее под косичками бесплатная парилка — так и каплет с носа на огненную землю.

— Мамачка моя родная, роди меня обратно! — взмолилась сестра Любочка, но не серьезно, а в насмешку на страдания Катюшки. Та закусила губу и тыпала с остервенением, ссекая не только пырей, а иногда и картошку.

— Э-эй! Так дело не пойдет! Не соседям — себе!

Катя так и вздрогнула от возможности пуститься в демагогию: «Это что же, выходит, на личном участке мы обязаны работать лучше, чем на поле общественном?!» Но смолчала, не позволяя себе легкого пути даже в таком нудном деле. Трясогузка подлетела, невесомо пробежалась по земле, остановилась, что-то клюнула. Хорошо быть птичкой, куда захотела, полетела, зима пришла — откочевала в теплую страну, есть захотелось — червячка слопала и опять летай, пока не надоест.

— Катя, чего припухла?

— Я работаю!

А маленькое косматое солнце томит и жарит — вот-вот запекутся мозги в черепной коробке, как перловая каша в горшке. Старшей и самой не терпится нырнуть в животворный омут, но надо прежде отдых заслужить.

Катюшка выдумала что-то вроде игры: окружает зеленую вражескую армию, разрезает на части и ведет бой на уничтожение! И уж бодрость откуда-то, и в голове прояснение. А солнце печет, поймаешь зайчика с отполированного лезвия — и на минутку ослепнешь!

И мотивчик рвется с губ:

Тетя Люба всех полюбит, перелюбит, вылюбит!

Тетя Женя всех поженит, переженит, выженит!

Тетя Катя всех покатит, перекатит, выкатит!..

И пяткой притопнешь в такт, и тыпка веселей того сверкнет! Не такой-то он и громадный, огород, да и хорошо, что большой, ртов-то вона сколь, и каждый кушать просит. И так задумалась о светлом будущем, что успела обиходить намеченный участок и принялась за другой, и сестре понадобилось дважды окликнуть, чтоб пригласить ее «куп-куп».

Упругий толчок, полет — и ты в объятиях нежнейшей из рек! И рвется крик счастья из груди, и барахтаешься, молотишь руками и ногами по воде, вздымая каскад брызг до рождения радуги. И ухватил, тянет кто-то за ногу на дно — и опять вопль ужаса и счастья! Купание — это тот же полет! Катя вертелась так и этак, как выдра в воде, наконец, повернула к берегу, встала — и с удивлением чувствовала, как течение выгребает, уносит из-под пяток песчаную твердь, норовит утащить в потустороннюю глубину. Выскочила на сухое — и с третьего шага песок стал припекать, никакого терпежу, как на сковородке!

А на траве тут и там разомлевшие тела. Молодые люди в шляпах из газеты, кто-то играет в карты, кто-то ест. Чуть подалее играют в «валдбол». Кажется, весь город собрался.

Стуча зубами, улеглись на гусиной траве. Солнце, будто обрадовавшись молочной белизне их тел, принялось колдовать над подставленными небу спинами. Но особенно пристальное внимание беззащитно-нежным, не тронутым загаром перламутровым ямочкам сгиба колен.

Слышно, кто-то подошел. Остановился. Люба покосилась — собака. На овчарку похожа. Сиповато посвистела острым звуком «ш» — та села, вывалив улыбкой большой в черных пятнах язык. Дышала при этом часто, неглубоко, по-собачьи. Странное дело, ведь в первую очередь ее должны интересовать «жвачные» отдыхающие — ан нет! К Катьке вечно льнут всякие бездомные кошки, щенки, раз привязался и бежал по улице до самого дома чей-то теленок. Как это можно объяснить? Может, запах какой от нее? Молочный какой-нибудь. Понюхала руку сестренки — никакого молока и рядом нет, сплошная тина речки Тускарь. Катя принялась гладить по голове, и пес окончательно растаял, улыбался во всю пасть, скатывал язык трубочкой, тоненько скулил.

— Рыжий! — говорила, рокоча буквой «эр». — Искупаться хочешь? — Кобелек обеспокоился, замахал хвостом, вертелся туда-сюда, слезно лаял.

— Полторы минуты — и на общественно-полезный труд! — скомандовала старшая. Пес тоже бросился следом, но не поплыл, а только забрел по собачье свое колено и остановился, и лаял на барахтающихся в мутной воде сестричек. И что ему понадобилось от них, чем тронули они его собачье сердце?

— Катька, а может, ты какая-нибудь святая? — отфыркиваясь от попавшей в рот воды, кричала Люба. — Ну чего они к тебе липнут, как банный лист к заднице?

Катя икнула, затряслась с хохота и пошла ко дну. Собачка жалобно повизгивала, падала на передние лапы, лаяла, приглашая на твердую землю. Наконец, двумя веселыми утопленницами выскочили из воды и вприпрыжку понеслись на огород. Собака, перекатываясь с задних лап на передние, озорным лошадиным скоком бежала рядом, путаясь под ногами, так что Катюшка пару раз едва не растянулась, спотыкаясь об нее.

Тяпки поджидали их. Рукоятки успели раскалиться. При виде такого жалкого черного клочка на бесконечно зеленом поле огорода девочки приуныли. Взялись за работу. И Катя опять одним рядком охва-

тывала широкой участок, потом резала крестом на четыре части — и «уничтожала».

— Надо было воды взять, — вздохнула Люба, и Катя с удивлением увидела, что обработанный сестричкой лоскуток заметно меньше обтяпанного ею. — Пить хочу, — истома и каприз в голосе старшей.

— Сегодня надо протяпать все! — в голосе Катьки неколебимая решимость.

Кобелек упал в траву, вывалил язык, дурачки улыбался.

И опять будто плавятся кусты картошки, земля жаром дышит, как мартеновская печь. Приблудный полежал, полежал — изнемог и смылся куда-то в прохладное место. А птички ничего, наберут червячков полный клюв, снесут птенчикам в гнездо и опять снуют по взрыхленной земле огорода, выискивают пропитание семье. Да еще и разговаривать начнут, щебечут чего-то, рассказывают. И кукушки кукуют наперебой: ку-ку, ку-ку — да и захохочут! Это значит, яйцо подложили в чужое гнездо.

— Ой, Катька, я — все! — простонала Любаша. — Это невозможно!

Катя пробежалась взглядом по огороду — и половину не одолели.

— Ты иди, я клин добью.

Любка выкатила глаза и рот открыла:

— Либо двужильная? — и прищурилась, стараясь рассмотреть в сестре что-то новое, прежде неизвестное. — Волю воспитываешь, да? — и вдруг, самым ехиднейшим шепотом: — Это правда?!

— Что?

— Ты летчицей хочешь стать? — прокричала, будто уличила в самом отвратительном проступке. — Летчица! Моряк с печки бряк — растянулся, как червяк! — И сестрички вцепились друг дружке в волосы и, морщась, молча, тянули за косички, стараясь вырвать их с мясом.

Так заветная тайна была раскрыта и опозорена, и Катя получила обидное прозвище «Летчица». Через пару дней ей уже кричали: «Пилот!» А потом и — «Пилотка!» «Катька-Пилотка». А это очень обидно. Люба уже жалела, утешала сестру, но поделаться ничего не могла — любимой песней Сергиевской улыцы стало:

Мама, я летчика люблю,
Мама, я за летчика пойду,
Летчик высоко летает,
Много денег получает,
Вот за это я его люблю!

Ни о каких самолетах Катя больше и слышать не могла! Нашла тихую заводь утешенья в кройке и шитье, в вышивании крестиком да гладью.

Все! Пусть птички летают, наше дело человеческое — по земле ходить!

3

В Бресте папа обморозил ноги — и с тех пор на пальцах растут «каменные» ногти. Никакие ножницы не берут, поддаются только острому ножу, после бани. Садится ближе к лампе, и начинается операция. Вся семья следит за опасным предприятием, каждый, затаив дыхание, помогает мысленно.

— Не больно! — успокаивает он.

— Не разговаривай, — предупреждает мать, — а то...

Наконец, ногти приведены в порядок — и все вздыхают полной грудью. Отец в вязевой рубашке, маленький какой-то. Вся мебель дома — его рук дело. Бабки во дворе говорили, что и Катюку «настрогал» в пятьдесят пять лет. Редкий вечер не клеил какую-нибудь табуретку, люльку, а то, бывало, и кресло! И когда оно, готовое, сияло нездешним совершенством в свете керосиновой лампы, отсвечивая подлокотниками, гнутой спинкой, саржевой подушечкой — семья какое-то время благоговейно любовалась, и тут же рождалась естественная мысль испытать буржуйское удобство своей пролетарской пятой точкой. А на ненормальном Западе в новую мебель стреляют дробью из ружья. Да! Вроде как короеды поели! У них мода на все старое, отжившее.

Вечера зимой долгие, времени хватало и на игру, и на уроки, но самое интересное — чтение! Кто-нибудь из старших садился с книжкой у лампы — и будто распахнется дверь в неведомый мир. За окном барабанит злой дождь, а в бедной комнатке Зеленко — «Война и мир». Наташа Ростова танцует с князем Болконским, Пьер Безухов стреляется с Долоховым.

Пламя в стекле перетекает с края фитиля на другой, дрогнет, вытянется, зачадит, но пробежала секунда-другая — и опять светит ровно золотистым светом. А тени по стенам порывистые, громадные, под самый потолок. Любой случайный взмах отзывается броском черного чудовища — свой театр теней! Мама звенит спицами, вяжет шерстяной носок. А на улице собака воеет — к покойнику. Бывает, и «караул» закричат — и тогда в комнате наступает тишина, и долго слушают: шутят или, правда, режут кого?

— Ты уроки сделала?

— А?

— Смотри, чтоб не моргать мне — «а!»

И опять Женя читает про исполненную радостей жизнь русских дворян. Но Катя знает, что их время кончилось, а для рабочего человека в стране Советов открылись такие светлые дороги, какие и не снились князю Болконскому. Только не ленись, стремись к своей цели! И уж не так интересно знать, за кого выйдет Наташа, и на ком женится граф Николай. Лучше бы что-нибудь из современной жизни!

— Не ерзай! — урезонила мама. — Как шило у тебя там.

Катя легла подбородком на стол — от старой клеенки пахнет воблой и хлебными крошками. А дворяне у Толстого в это время пьют вино за царя Александра и разбивают при этом посуду. Зачем? Да и Наташа... разве можно представить ее на бастионе с дымящимся ружьем. А случись французам победить — и что? Встретила бы где-нибудь на балу капитана Рамбаля и втрескалась в него пуще, чем в Курагина. И выносила бы в горницу на общее обозрение пеленочку, обмаранную маленьким Рамбале-м.

И уж хотелось самой написать роман — только главной героиней там будет летчица! Согнулась в три погребели, ткнулась лбом в коленки, и уж не слушала Толстого, а думала о своей, только начинающейся жизни. Что-то ждет впереди, какие-то радости и беды. Надо шить уметь и щи варить — но не лежало к этому сердце мятежной Катюшки! Сегодня техника — царица жизни! Математику надо знать назубок! И, к удивлению старших, достала из сумки учебник, принялась решать.

— Говорит, выучила, — покачала головой мама, — а еще и не думала.

— Я сама, сверх программы, — уронила небрежно, мол, слушайте

свою изящную литературу, наслаждайтесь обществом Наполеона, а мне тратить время на глупости некогда.

Но прошедший трудный день дает о себе знать, веки липнут, зевота распяливает рот до самых ушей, голова ищет, к чему приткнуться, и семья так же дружно, безмятежно укладывается спать. И когда уж установилось глубокое дыхание и будто понесло тебя куда-то в царство теней, сердечко вдруг вздрогнет, и невольно улыбнешься светлой мысли: завтра на уроке увижу *его*. И все. Темное беспамятство до самого утра. До напевного окрика мамы:

— Ребятишки, кончай ночевать, Вставай пришел!

* * *

Учительница на алгебре похвалила за усердие, а Вовка с задней парты:

— Она в летчицы наострилась! Уже летала со второго этажа с зонтиком! — И все обидно-дружно рассмеялись.

Анна Васильевна промолчала, а на перемене отвела к окну и давай елеем душу поливать! О том, какая это интересная профессия, и о прославленных женщинах-пилотах. Лидия Зверева еще в одиннадцатом году получила диплом авиатрисы, а потом сама изобретала самолеты!

— Так что не робей, Катюша, у тебя все получится! — и пожала руку, как взрослой подруге. Вокруг, как обыкновенно на переменах, визг, крик, «хулиганство вверх ногами ходит»! А они, как на волшебном островке, говорят о самом важном. И Катя, хоть и зеленая еще, но угадала по взгляду, по интонации тоски, что и Анна Васильевна... мечтала! Но не получилось!

* * *

Вовку пересадили на первую парту, чтоб не хулиганил «на Камчатке». И это теперь всех очень веселило.

Так устроен этот мир: если повезло в одном — на другом поскользнешься, как по закону Архимеда: выиграл в силе — проиграл в расстоянии. Если везет в любви — не садись играть в карты! А Катя как раз очень любила карту. В уголке Европы скучились малюсенькие страны. Теснятся, влипают друг в дружку уголками и выступами — и вдруг, чуть правее — настоящая свобода! Советский Союз! С неохватной территорией, с поднебесными горами и реками! Европе и не снился ни Енисей, ни Обь, ни Лена, ни Волга и Амур! А бездонный Байкал? Далекая, вся в курящихся вулканах, Камчатка! Северные наши моря, дебри Уссурийского края. И какое бы ни было настроение, а посмотришь на карту — и задохнешься от удивления: все это наше!

Бумажный шарик ударился о крышку парты, отлетел к столу учительницы. Записка! От кого? И сжигает любопытство: что же там написано? Вовка прокрался, подобрал, развернул, читает. Ухмыльнулся. А урок продолжается, и учительница что-то говорит, говорит и головой все кивает. И постепенно нападает отупение. Дремлешь с открытыми глазами! И странные мысли: к чему это все? Зачем собрались в этой комнате? И почему называют ее «класс»? И зачем нужно знать: сколько в цветке огурца пестиков, тычинок. И галлюцинация — аромат колючего, только-только с грядки огурца. Так бы и раскусила с хрустом его, «однодомного!»

А Володька пишет на клочке бумаги. Кому? Скотал, выжидает удобный момент отправить по воздуху. Отстрельнул щелчком — Катька дворовой кошкой цап — и записка у нее в кулаке, и не торопится читать, даже вроде и внимания не обратила, слушает учительницу.

— Что такое, Зеленко?

— А животных Мичурин не пробовал скрестить? — не задумалась ни на секунду. — Например, барана и корову.

Учительница поморщилась, хотела продолжить, но весь класс вдруг очнулся, загудел, и уже сыпались с разных концов примеры о лошадях и осликах, от которых прекрасно рождается мул. А что же наука?! Если можно скрестить дикую сливу с персиком, почему не произвести от медведя и слона, например, мамонта!

— И как это вы себе представляете? — заржал уже что-то понимающий в зоологии Володька.

— Естественным путем! — не моргнула глазом Катерина. И не успела учительша опомниться, как нагонявший устойчивую дрему урок превратился в митинг. Кричали о благополучно состоявшемся «ларьке» — гибриде ласки и хорька. Кто-то талдычил о производной от персика и дыни — будто бы получилась очень даже сладкая «пердыня». Цымбалюк уверяла, что давно уж выведен новый вид человека! Но он пока еще засекречен. А «донорами» стал старый шимпанзе и студентка медицинского института третьего курса.

— Да! В Крыму! — воевала Цымбалюк. — У меня в Ялте тетя Таня в санатории!

— И она родила бегемота! — не унимался и на первой парте Володя.

Резкий стук указкой по доске вогнал класс в рамки дисциплины. Успокоились. И опять о мужских и женских цветках цивилизованного огурца, выведенного из дикого и несъедобного предка. Урок катился гладко, ученики слушали прилежно. Только Клава все подскакивала на своей парте, будто гвоздиков подсыпали ей на сидишку.

— Отдай бумажку, — гудел свернутым на сторону ртом Володька. — Отдай, хуже будет.

— Ну, Катька, ну, отдай! — комаром зудела подруга. И тут Зеленко вскинула руку.

— Ну что еще?

— Нина Петровна, разрешите передать записку! — Встала, подошла к Клаве, вручила и так же уверенно и спокойно вернулась и села на место. Пораженный класс окаменел. — Извините. Продолжайте, пожалуйста.

Учительница не нашла ничего лучшего, как поблагодарить.

Все переглянулись, удивляясь дерзости и спокойствию Зеленко.

4

Говорят, слоны и солдаты умеют спать стоя — это правда. Катя тоже научилась.

Воронеж.

В три часа утра — подъем! К четырем, как штык — на аэродроме! В десять успела ли умыться, нет ли — с железно усвоенным материалом должна быть в техникуме. А с двух часов до шести — авиационный завод. Там подметать, перетаскивать рельсы с места на место, точить и клепать. Вечером библиотека: матчасть, двигатели разных систем, электро-

техника — зубри, пока мозги не опухнут. Да еще собрания, общественно полезный труд, изучение материалов съезда. Курск со своей семилеткой теперь казался незаслуженно дарованным и утерянным раем.

По утрам из носа шла кровь. Это пугало. Ведь с каким трудом одоле-ла комиссию — «резали» безбожно! Собрали комсомольцев со всего горо-да — одно «мужичье» и горстка девчонок. И что, это так всех вместе и разденут?

— Я ни за что! — котлетой на сковородке шипела рыжая девица.

— Представь, будто мы на пляже. И не робей, а то давление подни-мется!

Правда, с этим все обошлось. То есть осмотр проводили в той же ком-нате, но, уж, конечно, отдельно от мальчиков. Да еще поставили перед дверью в коридоре угрюмого дядю — чтоб не лезли любопытные.

— Ох, девчонки, куда вы только суетесь — одумайтесь! — качала го-ловой бабушка-медик.

— Мы не из боязливых! — отрезала рыжая. И вот она и не прошла. И раздеваться не пришлось — медицину оскорбил прыщ на ее подбородке, да еще и в ухе нашли какую-то дырку.

Катя больше всего боялась, что обнаружатся поломанные ребра. Го-ворят, есть такой аппарат, «рентген» называется, посмотрят в него, и все твои внутренности — как на ладони. Но обошлось, не случилось в Осо-aviaхеме «рентгена».

И как проскочила все рогатки, не споткнулась — самой не верится.

Жалко, папа не дожил. Все боялся: «Ничего-то из маленькой не получится». А как порадовался бы! Выдали форму! Пятьдесят целковых стипендия! Питание. И уже летала на У-2 с настоящим пилотом! Правда, пока только в качестве мешка с песком для центровки. Но какое это сча-стье! Так и дребезжит в тебе каждая жилка, и каждая капелька крови кипит, так и рвется из груди восторг!

Вытянулась, стала поджарой, осунулась, и только глаза раскрылись еще шире и горят огнем непобедимого упрямства. Как-то незаметно ста-новилась очень даже симпатичной девчонкой. Незнакомые ребята на ули-це оглядывались, не говоря уж о своих братьях-учлетах...

И вот он, на столбе. Лениво шевелится, опадает и вновь набухает, наполняется воздухом полосатый мешок — указатель направления вет-ра. Летательные аппараты в ряд, в воздухе пахнет сосновой смолой и авиа-ционнм бензином, он отличается от обычного и запахом и цветом — прозрачный. Взлетная полоса выстлана обожженным кирпичом.

У Кати задание: обновить белый крест, полинявший от ливневых дождей. На тот крест садятся парашютисты.

Взяла ведро с известкой, кисть — и в открытое поле. Ангары с пуга-ющей надписью: «За курение под суд!» остаются сбоку, с каждым шагом отдаляются, и скоро их закрыли редкие сосны. Ветер упруго свистит в хвое. Под деревьями кучи муравьев — так и кипят. Значит, будет хорошая погода. Но ласточки летают низко над землей — а это, наоборот, к дождю. Пилот обязан знать все, что касается погоды. Например, если коровы возвращаются с поля и при этом мычат — к дождю. Красный за-кат — будет ветер.

По полю разбрелось стадо. Осторожно, чтоб не попасть на кривые рога, кралась вдоль леса сторонкой. Где же здесь крест? Не пошутили ли? А то на флоте новичков заставляют точить напильником якорь. То есть во время прыжков крест должен быть — но его выстилают полотном.

Кажется, так? Выбралась на пригорок, долго озиралась и даже подпрыгнула — не видать. Стоп! А ведь коровы не гуляют сами по себе, здесь должен быть пастух!

— Товарищ пастух! Где ты?

Вышел из кустов малыш с самодельным кнутиком.

— Здравствуйте, тетя, вы авиатор?

В первый раз назвали тетей и авиатором! Солидно кашлянула в кулак и проговорила басом:

— Как у тебя с наблюдательностью?

Малыш ковырнул землю большим пальцем босой ноги.

— Посадочный крест видел?

— Так точно! — просиял. — Вот он!

И Катя с трудом разглядела что-то, слегка проступающее белым свечением сквозь траву. Да, он самый и есть. Как сказала бы бабка Акулина, «католический». Не нарисован на земле, а насыпан крошкой мергеля. Но мергель от дождей рассыпался, покрылся налетом микрофлоры. Маленьким мхом, если выразиться по-простому. Как ни береглась, но известка есть известка, запачкала штанину на уровне колена.

— Спасибо за помощь, товарищ пастух, кругом и шагом марш!

Чтоб окончательно не изгваздать комбинезон, разделась до трусов. Для начала прополочла, и только потом принялась за покраску. И то, не все сразу, а с краев — размер такой, что известки может не хватить. Выведет ровную линию — отойдет, прицелится, чтоб получился крест на славу.

Тихо. Пахнет полынью, высоко в небе стоит на месте, трепещется ястребок. Выискивает добычу. Жужжат пчелки, стрекочут кузнецы. Или это в ушах стрекочет, как у старухи. Нет, кузнецы.

Выпрямилась, заложила руки за голову, истомно прогнулась назад. В небе урчит, поворачивает на вираж «весь из дырок и реек» У-2. «Реечки для укрепления, дырочки для облегчения». Хорошая машина, ей бы мотор по сильнее да пулемет поточней. Только, что же все на месте-то крутится? И, как ошпаренная, кинулась одеваться! На фюзеляже цифра 6 — сам Гусаров увидел курсантку растелешенную, почти в чем мать родила! «Страм!»

Стадо прихлынуло вплотную. Пахнуло мочой и парным молоком. Налетели тучи мух. Жарко. Коровы становились на колени, тяжело опускались, укладывались и, отыскав удобную позу, принимались глубоко-мысленно жевать. Хвостами обмахивались значительно, не желая отвлекаться на комаров от великой своей думы.

А У-2 так и крутится, и стрекочет над головой! Александр Николаевич по-отцовски покровительствовал, иногда в простоте душевной впадал и в ребячество. Помахала в небо: «Физкульт-привет!» Самолет качнул крыльями и вдруг взмыл «горкой» — и звук мотора сильнее на форсаже — трескучий! И дым валит густой — и клюнул в небо, повернулся носом вниз, плавным скольжением перевернулся «бочкой» и... заглох. И уж надломился полет, и беззвучно, медленно падает на неподготовленное поле; слегка заносит то в одну, то в другую сторону, «парусит». Шутит или как? Да! Падает! Или заработает еще? Заведется?! Да, должен же! Но нет... бросила ведро, как на крыльях летела к месту неизбежного падения. Но что же можно сделать?! И напало оцепенение. Такое же, как в Курске, когда катилась на коньках по улице Веселой (позже она станет улицей Кати Зеленко), а на перекресток с Сергиевской выскочил лихач —

глазом моргнуть не успела, как влетела под сани. И все. Мрак и потеря сознания! И двух ребер как не бывало!

Самолет уж в полуметре от земли какими-то силами «хлебнул» крыльями воздух, слегка завис — и встал на все три колеса! И покатился по траве, распугивая сонных коров. Из кабины вылез учлет и следом — Александр Николаевич!

Оказывается, заставил курсанта выключить двигатель — вроде как выведен из строя вражеским снарядом — и велел пойти на экстренную посадку. Курсант сиял как солнышко. Начальник обучения улыбался, вполне довольный воспитанником, собой и погожим днем, но, кажется, больше всего ему в радость слышать Зеленку.

— Видел, Катя, — похвалил. — Видел. — Она чувствовала, как пламя стыда опять ползет волной из-за ушей. — Отличный крест получился!

Авиаторы сели в аппарат, пропеллер зажужжал, растворяясь в воздухе — кренясь и подскакивая, покатались по полю, оторвались, взлетели! Катюша пошла искать свое ведро. В душе играла бравурная музыка, невольно улыбалась блаженной улыбкой неизвестно чему. Не с похвалы же Гусарова за успешно выполненную работу. Но... какое-то чувство говорило, что она интересна этому взрослому человеку. И оттого обмирало сердце, и она не знала, хорошо ли это или все-таки нет? Как-то все перепуталось в юной ее голове. На занятиях какое-то время старалась не попадать на глаза Гусарову, а очень скоро пришло и печальное успокоение: он тоже не больно-то искал! И даже так же весело и задорно смотрел на красавицу Нину Русакову. Такой человек! Приятно ему видеть молодых девочек в своей мужской епархии.

5

Ученики прекрасно понимали, что не одна любовь к поднебесным полетам собрала их здесь. Не для улады романтических устремлений снабдила партия первоклассными инструкторами, техникой, питанием. Рабоче-крестьянская страна — как кость в горле капитала. То Англия зарычит и оскалится, то Япония точит острый нож на востоке, Америка даже и за страну не признает СССР.

Но как же хочется иногда выйти из бесконечной гонки, из однообразного режима. Как ярко горят по вечерам окна Дома офицеров! Зазывно звучат золотые трубы оркестров, заставляет вздрогнуть и остановиться медный взрыв тарелок, рокот барабанов, хохот тромбонов! И танцы все новые, и одежда все ярче! У девушек вошли в моду мужественные плечи, косая линейка юбок, платья в горошек, туфли лодочкой на высоком каблучке! Иногда вдруг покажется, что нет большего счастья, как одеться такой куколкой и явиться на бал.

Осень, трава на газонах густая, зеленая, а под деревьями толстым слоем ярко-желтый лист, и от этого кажется светлее — осень включила кленовые свои фонари. И розы готовы цвести еще раз, бутоны набухли; и застыли розовым взрывом осенние акации! И тосковала душа по одноклассникам, родному дому, по маме — одна осталась. Все разъехались по разным городам. «Мы знаем, кто мы есть, но не знаем, кем могли бы стать». И это тоже заставляет особо насторожиться, прислушаться, точно кто-то должен вот-вот принести очень важную весть. Не упустить бы момент, расслышать! От непонятого бойкого чувства подпрыгнула, щелкнула каблук о каблук и повернулась кругом, то есть сделала «бочку»,

выраженные языком авиатора, а потом зажуужжала и пошла на вырж! Старушка с хозяйственной сумкой шарахнулась в сторону, пробормотала что-то о сумасшедших. Нужно было извиниться, но Катюша выпалила:

— Сама такая!

Не надо было этого делать. Папа обязательно бы упрекнул: «Она же старенькая». Ну и нечего лезть под ноги! Старая — пусть дома сидит. И шла по асфальтированному тротуару, четко печатая шаг, мимоходом сорвала золотой лист с кровавым подбоем, прилепила себе на плечо. И мужчины, чувствуя в ней волнение юности, тревожно озирались, поворачивались вслед, так что хотелось крикнуть: «Не сверните шею, граждане!»

И тут впереди замаячили трое, явно выпившие и с бандитскими наклонностями. И забубенной Кате представилось, что атакуют три «фоккера» — как поступить? В лобовую! Бить ведущего изо всех видов оружия — без командира ведомые теряют инициативу, выходят из боя! Дрожь поджилками, шла прямо на крепкого парня, а он и не думал уступать, даже присел, ухмыльнулся и руки растопырил — но за полтора шага до столкновения все ж не выдержал, свернул! Парни захохотали липко, похабно и даже прокричали что-то вслед — но это была победа! Не струсила. Закусила удила и гордо прошла мимо хулиганов..

— Смело, ничего не скажешь. — И откуда взялся! Александр Николаевич! После пережитого напряжения трясло так, что зубы стучали, и, сама не понимая, что делает, схватила под руку и тут же прижалась щекой к его крепкой холодной руке.

— Отставить! — Но при этом и сам наклонился к ее голове и мгновенно коснулся щекой. Это была только одна самая маленькая секунда — и вот уже шагали просто рядом в одну сторону.

— Я за хлебом! — Гусаров в знакомом кожаном реглане и кепке-восьмиклинке. И все же что-то было иначе. Не такой какой-то он. Прошел дождь, и от проезжающих мимо авто, по зеркально-черной дороге золотисто скользили мохнатые огни. Да, зажгли огни, и сразу пали сумерки, и стало темно. Ярко сияют неохватные витрины магазинов. Праздник! Липко шелкал под ногами влажный лист, весело крикали на дороге авто. Наверное, в первую минуту встречи с ней случилась небольшая истерика, захлебываясь, рассказывала о туфельках на высоком каблуке, о танцах в Рабочем дворце. Гусаров молчал. Замолчала и она. Только слушала шаги и звуки города. Шли в одну сторону, и опять стала рассказывать о Курске: «Там даже вороны не каркают, а курлычут, как журавли!»

И вдруг, уважаемый педагог, руководитель летного отдела совершенно спокойно и даже в тон ученице рассказал ужасный анекдот... (Про живчиков, мечтающих стать офицерами, и о том, каким образом их всех «предали»). Катюша окаменела от ужаса. Даже был порыв убежать и никогда в жизни не видеть его. Но Гусаров крепко держал под руку и уже другим тоном говорил, что в волчьей стае надо быть по-волчьи, что она попала в мужской монастырь.

— Будь моя воля, я бы девчонок не брал! — говорил ровно, жестко. — Сами свихнулись и моих оглоедов сводите с ума. Вы обязаны быть такими же мужиками, как все — иначе я вас вышибу!

Катя ничего не видела от слез.

— Смотрю: Русакова уже губы покрасила!

— Она свеклу ела, — сквозь слезы заступилась.

— Знаю вашу свеклу — скоро глаза начнете красить! — И опять только влажные шаги по черному асфальту. — В аэроклубе, как на корабле:

баба — к беде! — Сердитым рывком поднял к себе и, уже смягчившись, по-родственному убеждал ее... переродиться в мужика — если хочет остаться в авиации. Профессия такая!

— Ты чудесная девчонка, умница, красавица, одна коса чего стоит! Я бы влюбился в тебя без памяти, если бы не был коммунистом! — Тряхнул ее локоть в своей руке. — Не обижаешься?

Сквозь вдруг опухшие губы, шепеляво выдавила:

— Не обижаюсь, Александр Николаевич...

— А мне сюда! — указал на булочную. — Не вешай нос! — Пошел, но остановился и добавил своим обычным жизнерадостным голосом: — Смелая, ничего не скажешь! Только наших воронежских хулиганов больше не обижай! — Катюша от этого не то поперхнулась, не то сорвалась на неожиданный хохоток сквозь слезы.

Какое-то время убито брела по зеркально-черному асфальту, как грешница по ночному небу, не слыша и не замечая ничего. Слезы огненными шарами капали с ее ресниц. Одиноко и горько. И вдруг оглушило приторным облаком одеколона и духового мыла — парикмахерская! Без колебания открыла дверь, вошла в ярко освещенный салон и потребовала отрезать косы под корень! Постричь под мужской «полубокс!»

— Совсем молодежь с ума сошла, — вздохнула парикмахерша, хищно сверкнув в воздухе ножницами. — Садись!

Беззвучно упала на кафельный пол одна тяжелая коса, другая...

И уже вполне свободная от женских предрассудков, с веселящим ощущением щекотливого холодка на затылке, уверенная в себе, шагала домой. Весело было представить, как перепугает сейчас сестру Соню своей прической — «парень в кепке и зуб золотой!» И теперь уж никаких высоких каблуков, никакого платья в горошек! И даже необходимо сделать все, чтоб называли в группе... Иваном!

Муж Сони посмотрел внимательно и, не дрогнув, выговорил:

— Гаврош.

Соня беззвучно свела ладони и села. Танюшка застыла в полном восхищении.

Катя, лежа на полу, уткнувшись в старенькое пальтишко, проплакала всю ночь.

К утру наступила зима, с морозцем и снегом. Еще в третьем классе выбегала со старшими братьями во двор, растираться. Снег бывает рыхлый, пушистый, как перо из подушки, бывает крупинками, льдистый, им обтираться все равно, что песком. А самый любимый — наносной, плотный, хрустящий, как крахмал!

На аэродром явилась бодрая, приветливая и вполне непрístupная.

Наконец, самостоятельный полет! Знала об этом еще накануне. Короткая ночь прошла в лихорадке. Проснулась раньше обычного. На остановку осоавиахимовского автобуса прибежала загодя. Трясло. Поставишь ногу на носок — а она давай подсакивать! Уж и успокаивала себя, и прикрикивала: «Зеленко! Отставить дрожать как овечий хвост! Вспомни очередность действий пилота!» Но это уж и так давно отлито в памяти железной матрицей правил и запретов.

Вот и автобус с учлетами. Улыбаются, как имениннице. А кто-то отводит, прячет равнодушный взгляд. Зависть просто... Автобус плетется

еле-еле. Катя даже помогала в иных местах движением тела. И вдруг, как в ледяной омут: а если Александр Николаевич заболел, и отменят полет?! Она втихомолку даже перекрестилась. И засмеялась: о, если бы знали друзья-товарищи тайные мысли комсомолки Зеленко!

Наконец-то, приехали. Но полеты только после обеда. Сначала тактические занятия и «Апрельские тезисы» Владимира Ильича. Педагоги откуда-то знают о предстоящем рождении авиатрисы — не спрашивают, посматривают загадочно. Поощрительно. Действительно, все смотрят, как на именинницу, кажется, вот потянут за уши: «Расти, Катя! Расти большая и умная!», да за чубчик подымут, «чтоб увидела Москву!»

Вышли на аэродром. Август. Жара. Налетели какие-то кусучие мухи. Сухо пахнет дымком. Наконец, техник-моторист доложил о готовности. Подступила минутка, которой ждала столько лет, может, целую жизнь, о которой грезила, обращаясь с мольбой к Серафиму Саровскому. Вокруг друзья по группе, инструктор, Гусаров. У всех просветленные лица. Волнуются. За Катю! А на нее снизошло спокойствие. Будто сто раз уж летала над полем и в зону и совершала фигуры высшего пилотажа.

Наверное, надо было что-то сказать. Взялась за консоль крыла, качнула, вдруг упруго оттолкнувшись, поднялась в кабину, как казак в седло, пристегнула ремни — крепко, а в трудную минуту освободишься одним коротким движением. Сзади вместо инструктора мешок с песком. Натянула шлем, хлопнула по «железному уху». В больших очках похожа на толстовскую Аэлиту. Подняла руку. Ей отмахнули белым флажком. Включила зажигание, запустила мотор, через десять секунд плавно добавила газ. Двигатель работал ровно, от пропеллера била упругая волна. Говорят, в кино бурю делают точно так же, самолетом. И называется это «ветродуй».

Добавила обороты. Инструктор дал отмахку — плавно, аккуратной дугой вывела аппарат на дорожку против ветра — полосатая «колбаса» упруго тянулась навстречу. И опять остановилась и еще добавила газ. Мотор ревел на одной улаждающей ухо ноте, самолет дрожал, как скаковой конь на барьере. Крылья трепетали, казалось, аппарат взмахнет ими и взлетит к облакам. Приборы показали готовность к выполнению полета — и опять подняла руку, и в третий раз дали белый флажок...

И уж не знала, мотор ли движет самолетом, или ее сумасшедше стучащее сердце. И вот все вокруг стронулось, плавно скользнуло назад и побежало, побежало. Самолет трясло на неровностях, а капониры, столбы, грузовик-бензовоз, все убыстряясь, бежали назад. И вдруг самолет успокоился, а все, только что мелькавшее по бокам, плавно пошло вниз... взлетела! Что-то шаловливым козликом взбрыкнуло в груди, но не дала воли чувству, обежала глазами покачнувшееся поле, увидела дугу стоящих друзей, но только отметила: «Вон они!» Взяла руль на себя, направив аппарат «в горку», и пошла на выполнение первого задания!

Горизонт качнулся и вздыбился, норовя накрыть с правой стороны, убрала его рулями, пошла ровно «по циркулю», замыкая круг. Задание самое простое: взлететь, сделать три круга и сесть. Теоретически знала «бочку», «пикирование», даже «мертвую петлю», и самое страшное — выход из «штопора»! Когда в глазах все вертится, несется кубарем, и ты не знаешь, на какую педаль давить, какой элерон опускать — потому что все в этом случае работает наоборот: подъем как спуск, а спуск как поворот направо! И Катя сто раз делала это безошибочно с закрытыми глаза-

ми, но... рисковать дорогой машиной ей никто не позволит. Выполняй ученическое задание — и никакой отсебятины!

Благополучно замкнула круг, пошла на второй. До этого все-таки, наверное, очень переволновалась, не имела возможности оторваться от приборов, от результата выполнения курса. А теперь, быстро освоившись, увидела внизу плавно поворачивающуюся землю с плешивым рыжим полем, геометрический рисунок перелесков. Ослепительно вспыхнуло пестрое болотце с аккуратным неподвижным зеркальцем воды, пробежало и скрылось разбитое солнце в извилистой ленточке речки, а за ней шоссейная дорога с пылящим грузовиком — и опять нахлынуло переполняющее ощущение восторга:

— Лечу! — Запела бы, если б не нужно постоянно следить за ориентирами, за приборами высоты, скорости. Но в какую-то минуту все-таки прорвало: — Я чайка! Я чайка! — Она пела, уливаясь слезами счастья. — Я чайка! — Когда-то видела спектакль с таким названием, и в памяти сохранилось это слово.

И вот уж третий, заключительный, круг и надо идти на посадку, значит, все самое сложное еще впереди: не дать «козла», не скапотировать! Уверенной дугой на чуть завышенной скорости вышла против ветра, не удержалась, качнула крыльями крошечным, похожим на муравьев, друзьям, сбавила обороты, плавно повела ручку управления вперед. Мотор работал ровно и будто громче, чем прежде.

И тут рядом с кабиной оказалась галка! Шли на одной скорости, одним курсом. Наверно, местная. Привыкла к деревянным птицам, решила познакомиться поближе. Но встречная птица может стать для самолета снарядом! «Брысь!» — скомандовала, успевая посмотреть на высотмер и на стремительно налетающее рыжее поле. Любопытная галка все заглядывала в кабинку, глаз белесый, будто из стекла, не сморгнет.

Вот и полоса! Перестала дышать, чувствуя каждое крыло, каждую заклепку аппарата как часть своего тела, и все шла к полосатой, убегающей под нее земле. Налетело красное поле кирпича, еще снижение, легкий завис и... коротенький в несколько сантиметров прыжок — самолет встал на все три точки одновременно! Это не так-то просто! Не всякий выпускник способен чувствовать момент посадки, этот крошечный «прыжок». И застучало сердце, и, наконец, вздохнула. Подрулила к группе, встала. Руки дрожали. Коленки тоже. И это надо уметь скрыть.

Ее приняли с крыла и кинулись качать, уронили, подняли, отряхнули, и каждый старался поцеловать. Особенно ребята — она уклонялась от них, как Константин Градополов от нокаутирующих ударов. Все-таки Катя не выдержала — выкатилась слеза благодарности!

И, кажется, ведь только что все были в полном восторге от ее пилотирования — но тут же на поле инструктор предложил провести разбор. И сначала один, робко, потом другой, уже более определенно, высказывали замечания — и понеслось! И подошла-то к самолету не с той стороны, зачем-то трясла крыло, и шлем надевала не так, как положено.

— Ты извини меня, Катя, но что это за крендель ты завернула перед посадкой? — не удержалась Русакова. Ребята имели слабость рассмеяться. — Александр Николаевич, вы же совсем не так учили? — позвала подруга в союзники начальника летной части. А он смотрел загадочно и таинственно на подопечных своих, пробующих встать на крыло цыплят, и какая-то светлая, радостная мысль сияла в его глазах и освещала лицо тихим светом.

— И ты права, — кивнул Нине. — И вы правы, — согласился с ребятами. — Но и Катька молодец! — Хотел еще что-то сказать, да только потряс в воздухе кулаком и подмигнул — Молодец, Зеленко! Хвалю!

И это горячей волной счастья хлынуло по душе! Ведь никого Гусаров никогда не называл Васькой, Нинкой, Петькой — только ее! А это значило многое и представлялось бедной девчонке прямым объяснением в тайной любви. И все! И больше ей от него ничего не нужно! Одного такого взгляда, одной такой улыбки достаточно для счастья на целую жизнь. Так было и, наверное, еще долго будет, что ученицы влюбляются в педагога без памяти, на всю жизнь до... первой встречи с таким же юным шалопаем.

Так же произойдет и с Катюшей. Встретит и она своего Василька и потеряет от любви к нему голову, и благополучно выйдет замуж, но как-то очень скоро охладеют оба, сочтут свою встречу ошибкой. Но это ожидает ее впереди. Это еще только будет когда-то.

А теперь подходило к концу обучение в аэроклубе, и ожидалось зачисление в Оренбургское военное училище. А ведь до финиша добралась только маленькая треть из первоначально отобранных. А из девушек и вовсе две неразлучные подружки — Катя и Нина!

7

На учебу отправились в день памяти святого Серафима. За окном мелькали заваленные снегом деревни, с грохотом убегали вдаль железные мосты.

Как это обыкновенно бывает, не успели отъехать — все проголодались. Первый обед удался на славу — изобилие! Белый хлеб, еще теплая картошечка, сало соленое и копченое. По отдельным намекам можно догадаться, что у мальчишек в заначке бутылка чемергеса, но вместе с ними ехал представитель школы, — вытащить бутылку при нем будущие бомберы не решались. С шутками и весельем все подмели подчистую, и получилось совсем как у Чехова: «Каштанка съела много, но не наелась, а только опьянела».

Катя лежала на полке, читала «Капитанскую дочку», чтобы иметь хоть какое-то представление об Оренбурге, его степях и пуховых платках. Вагон плавно качало из стороны в сторону, вверх-вниз, мягко стучали, нагоняя дрему, колеса. Курсанты рассредоточились по полкам, отсыпались за сумасшедшие по напряжению, бессонные ночи последнего года. То есть поначалу поиграли было на гитаре, что-то спели, но хроническая усталость сделала свое...

Колька перестарался и здесь. Забрался на верхнюю полку и так прилежно там уснул, что увидел во сне воздушный бой с белогвардейским соколом — благополучно ушел от атаки левым штопором — и спикировал... на пол. Расшибся крепко. Тетешкал ушибленную руку, дул на нее, щурился от боли. Подняли, усадили на нижнюю полку, принялись кормить вареньем с ложечки. Молодость не умеет долго хныкать, ей бы надо всем хохотать — перепачкали ему щеки и нос, как клоуну.

— Это он членовредительствует, — изображал из себя сурового следователя Попов. — Посмотрите, каков мерзавец: не хочет служить Родине! Надо с ним разобраться, товарищи, кто его родители и чем они занимались до семнадцатого года?!

Выяснили пролетарское происхождение — Попов уступил «повреж-

денному» нижнюю полку и оставил его в покое. Принялись «грузить корабли» предметами на «о». Первым, конечно, оказался «Оренбург», вторым — «Орск», третьим — так никем и не востребованный соленый огурчик на столе.

Катюша заставила Николая показать больное место — ничего серьезного. На месте перелома вздувается «локальная» опухоль — это она запомнила еще с первого прыжка под зонтиком.

— Катя, подуй! У тебя дыхание целебное, — просил болящий и при этом заглядывал в самую душу нежным взглядом. Но ведь такой взгляд, как правильно заметил офицер младшего командного состава Лермонтов, очень мало действует на женщин!

— До свадьбы заживет! — сказала строго, однако все ж подула и даже погладила ушибленное место.

— Доктор Айболит! — восхитился Коля. — Золотая наша Зеленко!

— Из золота мы будем лить унитазы! — ляпнул Попов. — К тому совет нас великий Ильич!

Уж не пригубил ли он, собака, из запретной-то бутылки?

— А все-таки замечательно, — продолжал умиляться Николай. — Только вообразите: через какой-то годик мы — командиры РККА! — Сиял, как начищенный к Пасхе самовар. — Одноклассники еще томятся в школе, зубрят зоологию. Учителя вызывают в школу родителей! Ставят их в угол за шалости — и вдруг открывается дверь, и... — Это курсант пропел оперным тенором: — вхожу в класс я! В кожаном шлеме. Весь из себя в эмалевых, кровавого цвета кубарях. Девчонки, естественно, все, как одна — в обморок!..

— Крепко стукнулся Колька — заговаривается... — засмеялись соседи.

Но по всему видно, что и остальные курсанты уже успели плениться перспективой сказочной жизни, заработанной, впрочем, своим трудом и учебой. Завоеванной для них в боях отцами и дедами.

Мы красные кавалеристы и для нас
Былинники речистые ведут рассказ,

— и уже, кажется, весь вагон подхватил и будто с горы покатился:

Веди ж, Буденный, нас смелее в бой!
Пусть гром гремит, пускай пожар кругом,
Мы беззаветные герои все,
И вся-то наша жизнь есть борьба!

Барабанно стучали, разбежавшись, колеса, и басом подпевал паровоз, и мелькали за окном, сменяясь, зимние пейзажи, и то ли еще ожидало их всех впереди...

А Колька все смотрит масляными глазками, и это начинало раздражать. То насмешничал, называл «Катя Строфа», потом вовсе перестал замечать, а с некоторых пор принялся заигрывать! Друзья вроде внимания не обращают. Но следят ревниво, исподтишка, как поджигатели войны, глаза горят недобро. Катюша отгородилась «Капитанской дочкой», окунулась в морозную оренбургскую степь, где Емельян Пугачев вершит свой суд над правым и виновным.

Постепенно все опять поголовно заснуло. Только недреманный Попов мастерил «орден Пожарного», для особо отличившихся на ниве ударного сна.

На станциях выбегали размяться и возвращались с запахом мороза и паровозного дыма, с бутылками «ретро-ситро», с калачами и еще дымящейся, присыпанной сухим укропом картошкой. И опять собирались вокруг столика, и ели. А потом струнный перебор и задушевные песни: «Ночь тиха, пустыня внемлет Богу и звезда с звездой говорит». Какие командиры были в царской армии! Знали по пять языков, рисовали картинки, играли на фортепиано, сочиняли стихи. Интересно, как бы чувствовал себя поручик Тенгинского полка в этом купе?

К ночи похолодало, то есть отопление поцелкивало, урчало железной кишкой, но теплей оттого не становилось. Ребята курили, не выходя на тормоз. Кто-то вполне отчетливо высекал зубами дробь. Не Николай ли? Поднялась. Нащупала лоб — нормальный, «не горит». Убрать не успела — перехватил и... поцеловал! Будто молнией, электрическим разрядом ударило по нервам! Не размахиваясь, влепила пощечину. Легла на свою полку. Тишина. Но какая-то напряженная тишина.

— Больно? — шепотом, вполне участливо поинтересовался у Кольки Попов — и купе грохнуло здоровым, плотоядным хохотом.

Катя лежала неподвижно, смотрела в непроглядную черноту верхней полки. Душили слезы. Дышать старалась ртом, чтоб не слышали звуков переполненного носа. Шевелила в башмаках озябшими пальцами. Это что же, выходит, что теперь уже «поцелованная»? Или как? Или это «не считово»? По-настоящему ведь целуются иначе? И обидно, что первый поцелуй случился в такой неподходящей обстановке.

А сквозь незамерзший кусочек окна видно, как мимо летит золотой рой обратно, в Воронеж! И подступала тоска по оставленной сестричке Соне, по ее дочурке и мужу, их тесному, гостеприимному углу. Что-то ожидает впереди, в азиатском Оренбурге? Мысленно прочитала молитву, микроскопически перекрестилась, сказала, что ее место свято, повернулась на бочок и провалилась в сон до самого утра.

8

Оренбург ошеломил имперским великолепием вокзала, старинными зданиями, легендарным Уралом. И чудеса продолжались: сразу после карантина выдали элегантную форму, «офицерские» шинели. Кормили здесь как на убой. Девочек определили в отдельную комнату, и Катя получила первую в жизни кровать! С подушкой, хрустящей простыней, с новеньким одеялом.

Вид училища заставил задохнуться от восторга — просторные аудитории, под пять метров потолки. Говорят, при старом режиме это была семинария. Но больше всего умилил Оренбург печальными осликами и двугорбыми верблюдами. Так и тянуло забраться на животное из «Тысячи и одной ночи», прокатиться по «казацкой столице России». И как теперь надо учиться, как летать, чтобы оправдать такое внимание партии!

В брюках и шинели хорошего сукна, в военной шапке стала походить на стройного кадета. И случилось даже вовсе несуразное! С изумлением ловила на себе... взгляды девушек! Это настолько ошарашило, что какое-то время совершенно не знала, как себя вести.

Как все-таки своевольно играет нами судьба! В Курске двоечник Вовка находил ее недостаточно красивой! Не мог он позволить себе опуститься до дружбы с Зеленко. А теперь ведь ничего не изменилось — но не только все училище шею свернуло, засматриваясь на ее классический профиль

(или что уж они там такое находят?), а еще и девушки воспылали романтической страстью! Вот уж чего не ждала и не чаяла! Вот уж о чем ни сном, ни духом не мечтала.

Поначалу Катерина резко уходила от такого противоестественного внимания, но однажды на катке, озорное чувство подтолкнуло подмигнуть одной в ответ на особенно заинтересованный взгляд — и девчонка расплылась в блаженной улыбке и сделала книксен, как это делали когда-то гимназистки, застеснялась милая!

* * *

Плавают голубые волны дыма, пахнет тухлым яйцом. Гремят выстрелы...

Маслянисто клацнул затвор, поправила звукозащитные наушники, подвела ствол под «яблочко», передвинула левую ногу: из пистолета «целятся не глазом, а... ногой». Задержала дыхание на выдохе, нажала — «девятка»! Очень хорошо.

С яблонькой все ясно — растет, чтоб принести сладкое, терпкое яблоко. А человек? Кому и какой он плод приносит? Может, все в служении? И пусть поздние поколения забудут, как ты брал Шипку, кто-то даже и наплюет в простоте душевной на твое славное имя. Но остается Родина. Как сказал поэт: «Пускай нам общим памятником будет построенный в боях социализм». И хорошо сказал, но было б лучше, если бы там стояли слова «Советский Союз!» Или «Россия». «Нам завещал одно Мессия — сбережь Советскую Россию!» Оказывается, писать стихи не такая уж и неподъемная работа. Ай да Катька, ай да...

Стрельба закончена — в голове шум и ощущение легкой глухоты.

— Она дома тренируется! — оправдывалась за свою стрельбу Зина из Перми. — Нарисует карандашиком точку и уставится с другого конца комнаты, как сыч. Каждое утро кирпичом целится.

— В тебя?

— В точку, как из нагана.

Инструктор спросил, что за точки рисует Катя на стене? Отвечала четко, по-пилотски:

— Зрение, как и всякий другой орган, поддается тренировке. Глаз можно изострить, стараясь рассмотреть с десяти шагов маковое зернышко, потом след укола иглой и еще меньше.

Инструктор кивнул:

— Надо попробовать.

Год тысяча девятьсот тридцать четвертый остался позади, и Катя стала командиром. Направили в разведывательную авиацию, осваивать истребитель. Пришлось заняться и политическим образованием. Обстановка накалялась от месяца к месяцу. Поднимал голову фашизм. Немцы вошли в Чехию, оккупировали Польшу, отгрызли кусок Франции, Румыния обязалась снабжать фюрера нефтью; Чехия — поставлять тяжелые танки. Болгарии подарили ранее отобранные территории — и «братушки» поспешили взять под козырек. Угроза нависла со всех сторон. Гитлер готовился молниеносным ударом опрокинуть Норвегию с ее железом и медью. Оттуда через лояльную Финляндию — «дранг нах Ленинград!»

А ведь еще недавно эта территория была Россией, но с объявлением Suomi суверенной — город Ленина оказался на самой границе.

Советское правительство предлагало перенести линию раздела северней и за это отдавало территорию в несколько раз больше, но Финляндия, чувствуя поддержку западного мира, стала вдруг неуступчива, заносчива, ответила решительным отказом! И при этом наращивала силы. Опоясалась оборонительной линией, приняла от друзей до пятисот новейших орудий, почти столько же самолетов, пулеметов больше полумиллиона.

Наконец, товарищ Сталин, пыхнув ароматным дымком «Герцеговины Флор», обронил: «Ленинград нельзя отодвинуть от границы — значит, придется отодвинуть границу». А козь штатские люди договориться не сумели, в спор должны вступить солдаты. Так заканчивалось время мирного труда, наступала пора показать, на что ты способен.

Еще прежде того фашисты обрушились на трудовой народ Испании. А у того один союзник в мире — СССР. И Катюша понимала, как нужен ее опыт в небе над Мадридом, и просилась, рвалась в бой! Может, и правда, предки ее происходили из сечевых казаков, и теперь кипел в ней их боевой дух? И искала поддержку в высоких кабинетах? Командир полка завел душевный разговор, вроде папаша с дочкой, даже намекнул на фамилию, мол, «зеленая» пока еще для таких дел. Катя показала свои аттестации и настаивала на отправке.

— «Теория стрельбы!» — покривился командир. — Там понадобится другое!

— Практика без теории глуха, а теория без практики мертва! — парировала Карлом Марксом и уже вполне официально: — Комсомольское собрание эскадры постановило отправить меня в испанское небо!

— А сюжет, ты представляешь, что они с тобой сделают?! — изменил тон командир. — И какой вой поднимет западная пресса: «У большевиков нет летчиков! У них одни бабы воюют!»

— Товарищ командир полка! Перед вами не баба, а отличник боевой и политической подготовки командир РККА! Потрудитесь обращаться по форме!

Полковника будто надуло изнутри, покраснел, выпучил глаза и рывкнул:

— Как стоишь?! Кругом! Марш!

Катю это не остановило, вышла на округ, попытала счастья там, но везде натыкалась на глухую стену непонимания. То есть вроде сочувствовали, благодарили за комсомольский порыв, но об участии в боевых действиях и слышать не хотели.

— Не торопись, коза, в лес, — обронил комдив с горькой усмешкой. — Вон, — кивнул на карту, — Запад спит и видит, как бы растерзать нашу страну. Со всей Европой придется воевать.

В тот раз Катя смирилась, подчинилась обстоятельствам. Но войну с Финляндией, когда бои начались чуть ли не на окраине Ленинграда, прозвать не могла! Выхлопотала перевод на фронт. И там пришлось ломать преграды на пути к живому делу: убеждала и ругалась с командиром, и добилась своего!

Если немецкие войска за пару недель взяли Чехию, Польшу, а за один только день пала на колени Дания... С гордой Норвегией борьба длилась, правда, целый месяц. Да ведь и великая Франция сопротивлялась не дольше того. А уж тридцать-то километров до колыбели революции — это что за заслон?!

Видя легкие победы фашистов, понимая, в чью сторону Гитлер движет армии, Запад поставил на России жирный крест. СССР кроме как «колоссом на глиняных ногах» теперь никто и не называл. И затаили дыхание в нетерпении и злорадстве: когда же?! Ну, скорей бы уж добились рабоче-крестьянского уродца. Если императорская Россия со своей вымуштрованной армией, с такими союзниками как Англия и Франция, лопнула мыльным пузырем, сдалась Вильгельму, чего же ждать от едва родившейся, еще на ноги не вставшей России Советской. Маршем пройдет Гитлер до Уральского хребта! А Сибирь возьмет Япония. Спета песенка русского медведя.

И такая маленькая миленькая Финляндия вдруг выказала такой боевитый задор, что весь Запад ладони осушил, аплодируя: «ай, Моська, знать, она сильна!»

И началось! Настоящая война.

Январь, мороз под сорок градусов, деревья в лесу лопаются со звуком, похожим на выстрел. В кабине холодина — зуб на зуб не попадает. Но она была счастлива. Наконец-то в деле, наконец-то схватка за Отечество! Масло густеет, топливо с трудом поступает к двигателю. Все, что связано с водой, грозит перемерзнуть и лопнуть. Техническая служба день и ночь с паяльными лампами в руках.

Но как странно ведут себя финны! Не верят в освободительную миссию РККА. Все вдруг превратились в националистов. Точно так же, как поляки. Это, выходит, только мы готовы предоставить свои поля и реки, заводы и учебные заведения в распоряжение рабочих всего мира! На стороне Финляндии — английская авиация, фашисты-добровольцы. На своих самолетах финны рисуют кобальтом немецкие свастики. И каждый вылет советских эскадрилий сопровождается потерями. Катюшу, как единственную летчицу на всем фронте, поначалу пытались задвинуть куда-нибудь на теплое место — ничего у них не вышло!..

На КП уточнили курс. Командир обвел красным карандашом участок финской обороны — взломать, открыть путь пехоте! Вся сложность в том, что бомбить приходилось в темноте, практически без ориентиров — пойдешь туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. Ночь лунная. Но при этом облачность. На бомбежку уходили девятойкой.

Двигатель завелся с первого контакта. Техники винтомоторного полка проявляли чудеса находчивости и выдержки — в любое время дня и ночи машины были готовы к штурмовке. Давление, температура — в норме. Бомболуки заправлены авиабомбами и зажигательной смесью КС. В турели летчик-наблюдатель с пулеметом. На крыльях пулеметы пилота. Рукоятка управления работает упруго — рули отрегулированы, проверены. Мотор ревет, сотрясая аппарат. Застегнула привязные ремни, опустила очки. В кабине хоть волков морозы!

— Летнаб, к взлету готов?

— Летнаб к взлету готов! — прогудело в переговорную трубу.

Самолеты выходили из укрытий, становились на взлет. Обыкновенно разрешение дают тремя красными ракетами, теперь перешли на две зеленые — конспирация. А вот и они — взошла звездочка, замерла над черным зубчатым лесом, постояла, рассыпалась изумрудными искрами. Дала газ — привычно затрясло на неровностях — заснеженный аэродром оторвался, повернулся продолговатой тарелкой, встал на ребро — вернула рулем его на место. Самолеты шли бредущим полетом вдоль извилистой белой ленты речки, потерял ее — и никакими средствами не сыщешь цель.

— Поворот — скоро первая линия! — прокричал наблюдатель.

Хорошо видно старое заграждение. Все завалено снегом. Геометрические линии заборов — огороды. Какая мирная картинка. Видимость отличная — зима. Даже если тучи закроют луну, все-таки цель не пропустишь. Проплыли, повернулись, улетели мимо укрепления. Проклинают, наверное, финны. Им в оба уха талдычат: «Русский медведь хочет забрать вас в свой колхоз!» Не опасность бы от фашистов Ленинграду — в жизнь никого б не тронули. Да и сейчас перед каждым вылетом политрук из кожи лезет: «Не вздумайте бросить боезапас на мирных жителей! Пойдете под трибунал!»

Справа выплыло двойное озеро. Ведущий сделал эволюцию: готовься! Горкая взмыл на второй уровень высоты — началось...поднимутся, насколько позволит низкая облачность, и оттуда в пикирующем полете — на цель. Сбросила газ, самолет, теряя скорость, вздрагивал, как живой, перед смертельным броском.

Ведущий завалился на правое крыло, вошел в пике. Зеленко последовала на хорошо видимые заваленные снегом доты, поймала и не отпустила из креста прицела. Первое в жизни боевое метание — выверить прицел до миллиметра! Стрелка высотомера сползла к пятистам, прошла риску четырехсот, трехсот, двухсот метров — освободила бомболюк! Решительно вышла в режим плоского полета и дальше в горку — буквально влипая в бронеспинку, лицо будто сползло со skulls к ушам. Потемнело в глазах, может, даже потеряла сознание. Мотор ревел на форсаже. Не успела. Забыла. Надо облегчить винт — спалишь мотор!

А наши уже выстроились на боевой курс, опять на бомбежку — и будто бревном бодануло. Бросило в сторону, небо с землей дважды поменялось местами, вывернуло на произвольную бочку, все вертелось колесом, а ты в самом центре — стиснула зубы, повернула руль против вращения — земля качнулась, встала на место. Над Катей и вокруг — фейерверк! Разрывы снарядов. Трассы зенитных пулеметов, пыльно-плоские лучи прожекторов мечутся, ищут — спинной мозг требует сию же секунду развернуть самолет, убежать на спасительный аэродром.

Катя не взмолилась, а выругалась! Взяла руль на себя, взвилась к облакам, вошла в ватную слепую пелену, на боевом развороте облегчила винт и опять в пике. Группа уже отбомбилась — дзоты пылали, там упруго вспухало белым дымом, трепетало живое пламя — дорога пехоте открыта, сейчас наши ринутся в прорыв! И опять огненные струи, частые строчки свиваются в жгуты, Катя летела навстречу зенитной батарее — и опять ушли бомбы — и опять перегрузка. Очнулась — наших никого. В бреющем полете ускользнула, оторвалась от зениток. Но каждую секунду из темноты могут выскочить истребители — а она одна в ставшем враждебным, когда-то русском небе! Самолет с надсадным воем двигателя ввинтился в облака. Развернулась в сторону аэродрома, взяла курс по компасу.

— Сашка, ты живой?

— Жив, Катя!

Проверила по приборам: как там с системой питания и управления, не повредил ли чего снаряд. Мотор работал ровно во всех режимах — но летишь, как с завязанными глазами. Наконец, пора! Вынырнула из облака к земле, сориентировалась, вычислила аэродром. С разворотом против ветра на посадку — одна нога шасси не выходит... Давит — и никак! И это в первом же бою! Голове стало тесно в шлемофоне, и пот хлынул по спине. И так и этак — не слушается железная нога. Давление на нуле.

Попыталась справиться механическим путем, без гидравлики... Нет! На одной ноге не сядешь. Катастрофа... Что делать? Убрать шасси — хватит ли напора? Выжала реверс — ушла нога. Ну, спаси, сохрани. Оставалось одно — лечь на фюзеляж. Снег мягче, чем грунт. Но ведь и ночь! Как подгадать? Взвилась красная ракета — но это не запрет, а разрешение. В мыслях ветерком пролетела молитва. Выключила зажигание, перекрыла бензин, чтоб не вспыхнуть. Пошла на снижение. Налетает лес! Ближе, ближе. И удар! Треск — еще удар, подскок и длинное скольжение, как на салазках с горы — занесло, выкинуло с полосы на целик, снег девятым валом накрыл кабину, треск — и оглушающая тишина. Во рту вкус меди — прокусила губу насквозь.

— Жив, Саша?

— Вашей молитвой, Катерина Ивановна, — прошелестело в трубу.

Открыла подвижную часть фонаря. К самолету бежали. Странно замедленно. Механики. Сколько им работы... точно, как в пословице: «Прилетели, мягко сели — приготовьте запчастя: элероны, верх турели, фюзеляж и плоскостя!»

Выбралась наружу. Ухнула в снег почти до подмышек. Брела к утоптанной взлетной полосе, отстегивая на ходу лямки парашюта. Ноги дрожали, хотелось крикнуть: «Товарищи!» — и не могла. Обессилев, села. Подбежали, помогли подняться.

— Цела, Катя?! — Техник «Глумота». Обняла его и поцеловала. Когда-то в минуту раздражения за оплошность обложила таким ругательством — а оно и приклеилось.

Самолет уже осматривали: считали пробоины.

Подошел командир эскадрильи. Катюша бросила ладонь к шлему, доложила о прибытии. Сухо поздравил с первым вылетом. Выслушал доклад. Покосился на поврежденную машину, велел явиться к разбору полетов.

Подошел напарник, пожал руку, сказал, что один дзот, конечно же, ее, и что батарею накрыла ювелирно. Техники вздыхали, однако заверили, что через пару дней аппарат будет как новенький.

Известно, каждый вылет для военного летчика — экзамен. На разборе разложили операцию по косточкам, но высказали только одну серьезную претензию: почему бросила ведущего? Объяснила это попаданием снаряда. А если подумать, то, в общем-то, еще неизвестно, кто кого бросил...

— Да, Зеленко, в рубашке ты родилась, — согласился комполка. — Можешь считать сегодняшний вылет не только первым боевым, но и вторым днем рождения. Не каждый мужик поведет себя так в первом бою. Объявляю благодарности!

— Служу Советскому Союзу! — выговорила побелевшими губами.

После этого она приняла участие в десятках дневных и ночных вылетов — и бомбежные, и штурмовые, даже в разведку ходила на штопанном своем бомбовозе, и везде показала находчивость, сметливость, неженскую решительность и героизм.

* * *

Война продлилась сто пять дней и закончилась переносом линии раздела на сто пятьдесят километров.

Советский Союз «за агрессию» исключили из Лиги Наций. Обложили еще большей изоляцией со всех сторон. Однако страна праздновала

победу! Поехали в Кремль получать ордена. Катя уже бывала в столице, выступала на спартакиаде — но опять удивлялась с другими провинциалами величию Москвы. Правда, теперь уже не бегали, как прежде, а ходили солидными группами, фотографировались у царь-колокола и царь-пушки.

Само награждение — в роскошном Георгиевском зале. Фотографировались с председателем Верховного Совета. Калинин, щекоча усами ухо, говорил комплименты, просил сесть поближе. Потом банкет, выступление артистов, танцы — и не было отбою от кавалеров! Катюша оказалась вдруг для всех более интересной, чем артистка Серова! Певица Русланова устала раз за разом повторять «Катюшу». И самой ей казалась: оттолкнись пошибче от паркета, и взлетишь, как птичка, к потолку!

И наконец, возвращение в Харьков! С краткой остановкой в родном Курске. Опять цветы, речи, восторженные лица девчонок и мальчишек. И опять стучали колеса, и пел бархатистым басом паровоз. Публика в ресторане смотрела с изумлением — так-то шла ей военная форма, красил непривычно весомый с бордовой эмалью орден Боевого Красного Знамени. Это в двадцать три-то года! Прекрасная, известная на всю страну военная летчица! Орденосная Катя Зеленко! А жизнь-то еще только в самом начале. Надо верить своей мечте, много трудиться и смело идти через преграды.

В ресторане поднимали бокалы за Родину, за победу, за красных воздухоплателей, за товарища Сталина.

10

В жизни надо уметь пройти, не дрогнув, и огни, и воды, и медные трубы. С медными трубами бывает труднее всего. Почему же развелась с первым мужем? На это тетя Феня, вздохнув, отвечала всем известной формулой:

— Карахтером не сошлись.

Кто-то мог бы вспомнить и библейское: не уклоняйтесь друг от друга, разве что по обоюдному согласию, и то на время. А ведь им постоянно приходилось «уклоняться» — работа по разным ведомствам: она военный летчик, он в хозяйственной авиации. Она — то в разведке, то на сборах, опять же на войне, теперь стала штатным испытателем СУ-2. Все может случиться. Кто-то додумался даже, что причиной — слабая летная подготовка Васи. Недостаточно профессионально выполнял фигуры пилотажа.

А не обрушившаяся ли слава единственной летчицы на финской войне? Ведь доходило до абсурда, будто бы любимую песню народа «Катюшу» написали для нее! И установка реактивных снарядов — тоже в честь Катюши. Генералы искали возможность поговорить с этой быстроглазой, острой на язычок летчицей-орденосцем. Несколько раз настоятельно предлагали поступить в академию. А ведь была еще совсем девчонкой. Да тут еще и белокурый красавец Павел Игнатенко — а девичье сердце, как известно, не камень.

Выросла до комсорга полка. Но не только на земле взлетела так высоко, а и в небе на испытаниях приборов приходилось подниматься непрерывным полетом на восьмитысячную высоту. И каких только виражей, боевых разворотов, полубочек, бочек и левого и правого штопора не сотворяла в небесах! За шесть лет службы старший лейтенант Зеленко стала настоящим мастером. Асом!

«А черные тучи все ниже, а громы грохочут все ближе, все чаще хорошая весть».

В СССР ударными темпами развивалось авиастроение. Только «ивановых» поставили на крыло больше трех тысяч за год! И нужно было готовить достойный летный состав и испытывать новую технику.

11

И опять застучали колеса по стальным рельсам, качается и вздрагивает на стыках вагон, мелькают за окном водокачки, деревенские домики с палисадниками. Поворачиваются вокруг какого-то отдаленного центра омытые дождями кладбищенские кресты. Плавно скользят, взлетают вверх провода и, надломившись у столба, так же плавно опускаются. Накрапывает дождь. Трава изумрудно-зеленая, свежая. В соседнем купе, слышно, пьют самогонку, закусывают хлебом и луком.

— Развяжите мои крылья, дайте волю полетать, я в заброшенные дали полечу ее искать! — Россия. Но уже не скажешь «нищая». Хоть, конечно же, и не богатая. Со взрывным хохотом пролетели за окном переплетения железного моста. Народ стаскивал с верхних полок узлы, готовился на выход. Скоро лучший город земли, древний Курск. Тревожно забилося сердце, и радость нежно и щекотно взяла за горло. Катя ехала непонятно к кому, неясно зачем. Родных здесь не осталось уже никого. Умерли, а остальные разъехались в поисках своего нелегкого счастья. Она в летнем дамском костюме, в соломенной шляпке, чтоб не бросалась в глаза такая короткая стрижка.

И опять будто весенним ветром детства дохнуло в лицо — вон он, Рабочий дворец, старая, неприступной крепости гимназия, древние соборы — и кровь, как шампанское, закипает в жилах от счастья! Кажется, так бы и вдохнула весь этот воздух. Зелень садов блестит под солнцем, еще свежая, незапыленная. Только отцвели вишни со сливой, яблони в бело-розовых облаках, и, кажется, весь город гудит от пчел и пахнет медом!

Поднялась по крутенькой Верхне-Набережной. Мимо, по булыжной мостовой, с лягом подков и грохотом колес — ломовые битюги. Иногда дохнет дымком отработанного бензина да крикнет «эмка». А вот и Дворянский парк, и распахнулась до далекого горизонта бесконечная, неоглядная равнина Половецкой степи, млеет под солнцем Тускарь, церковь Николая Угодника, Стрелецкая слобода. Все тысячу раз виденное, до последней тесины в заборе знакомое.

Но что-то уже и примешалось к радости — отдаленное неясное беспокойство. А и правда, ведь сколько прошла, но ни одного знакомого!

И вон они, березки... Когда-то весенним днем сажали всем классом тоненькие, беззащитные прутики — а теперь не узнать! Настоящие деревья. Но как-то не в радость видеть ставшие чужими деревца. И от листьев веет горечью. И такое ощущение — будто... украли жизнь. То есть уж кому бы плакаться на судьбу, да только не Катюше! Все сложилось — лучше пожелать нельзя. Но здесь, в знакомом и так резко изменившемся парке, приходили странные мысли, будто тут-то и текла настоящая жизнь! А она — эмигрантка? Жила хорошо, но где-то далеко-далеко. Не здесь. И город ничуть не жалеет о потере своей Катюшки. Перемогает жизнь по-своему, с бывшими соседями и одноклассниками, с ее учителями. «Уехала?! А много ли нашла?» — шелестят набравшие силу березки. Из черной ели стонет невидимая горлица: «Уехала, уехала» — и

ушрек, и боль. А Катюше хоть оправдывайся за бегство из Курска и этого парка.

И заунывный, родной звон от Казанского собора! И роскошный дом Гладковых, и древний женский монастырь — даже трудно смотреть, перехватывает горло. Да что ж такое?! Ведь как рвалась сюда душой, как мечтала пройтись этой улицей! Почему-то казалось, будет улыбаться здесь тридцатью двумя зубами всем встречным-поперечным да хохотать от счастья. Почему же такой грустью давит сердце? Откуда такая тоска?! Намечала зайти в Третью школу, встретить учителей, что-то сказать ученикам, дать какое-то напутствие, совет. И вдруг поняла, что ни в какую школу не пойдет. Подумаешь — летчица! Да мало ли их теперь развелось? И подружка Нина Русакова в героинях, и Гризодубова, да и мало ли других!

Постояла перед Казанским собором, перекрестилась, не стесняясь прохожих, поклонилась низко-низко. Ни о чем не просила, а будто надеялась услышать откровение, наставление на будущую жизнь.

И... увидела! Бабку Акулину. Жива! Только еще больше трясет полысевшей головой. Хотела поздороваться, да та взглянула равнодушно. Так же, как березки в парке. Катя выросла где-то на стороне, не на глазах и стала совсем незнакомой. Чужой. Но как же так? Ведь носила же все годы незабываемые образы малой родины в сердце своем и утешалась в трудные минуты, вспоминая. А теперь вдруг почувствовала себя здесь ненужной...

Ноги потихоньку понесли к Московским воротам. Весело взбрыкнуло, екнуло сердце! Даже кинулась было вдогонку — по Ленинской, со звоном и блеском вымытых окон прокатил трамвай! В нем знакомое личико Клавы — вагоножатая! И стало спокойно, уютно на душе — ну, конечно же, дома! Где же еще? И уже не заглядывала в лицо каждому встречному, а просто шагала по знакомым улицам как когда-то, много лет назад.

Не заметила, как над головой сомкнулись темными кронами тополя, и окружила отрешенная тишина, какая бывает только на кладбище. С вечной сыростью, неподвижно застывшими памятниками и сумерками даже в самый солнечный день. Хранят чью-то память и вечный покой поросшие зеленым бархатом гранитные плиты. Как много корявых с обломанными сучьями каменных «деревьев». Тяжелые тумбы почетных граждан еще того, имперского времени.

В уголке — без оградки — деревянный крест. Над могилой Ивана Мироновича. Здесь же старший брат Коля и мама. Лежат — и ни слова от них и ни вздоха. А ведь, говорят, где-то есть... И все видят, и даже молятся за нас, грешных, перед престолом Всевышнего. Идеализм, конечно, опиум для народа. Но было немало причин крепко задуматься над судьбой и даже горько поплакать. Не так уж гладко, без сучка и задоринки, складывалась жизнь Катерины. То есть вышла замуж за очень хорошего человека, за капитана Игнатенко, и может быть, нашла бы с ним свое женское счастье, если б не одно. Родила сына, но недолго порадовались. Умер. И Катя будто закоченела. Не то что радоваться — свет в глазах померк. Причиной страшного горя считала разрыв с первым мужем. Время было, не дай Бог, какое серьезное. Страна стояла на пороге смертельных испытаний, и каждого человека в отдельности ожидал такой же жребий. А уж известно, где лес рубят, там и щепки летят.

За оврагом, в непроходимых дебрях — соловьи! Поют, как и тысячу

лет назад еще при буй гур Всеволоде. Вот, наверное, за этим-то и приезжала — поклониться неухоженной могиле родных. Поделиться горем и радостью. Покаяться.

И Катюша, женщина полная сил, надежд, мысли не могла допустить, что осталось ей видеть этот свет меньше полугода. И что по Курску прогулялась в последний раз. Что уже в этом году родной ее город будет топтать сапог завоевателя, рухнет Советская власть, начнется самое страшное, что только может случиться для населения — оккупация.

Но пока еще тишина. И народ, убивая свободное время, слоняется беспечно: девчонки лижут эскимо, молодые люди сдувают пену из стеклянных кружек. Мальчишки грохочут самодельными самокатами на шарикоподшипниках, кричат шутливые стишки:

Внимание, внимание!
Говорит Германия!
Слушала Япония —
Ничего не поняла!..

И жизнь кажется раз и навсегда установленной, безусловно, мирной и, как позже выяснится, вполне сытой и очень даже счастливой.

Город детства, весна...

12

Война началась неожиданно. Будто кто нарочно устроил, что все оказалось не готово! Конечно, скрывали, чтоб «не сеять панических настроений», но кто не знал, что в первый день на наших аэродромах, не успев взлететь, сгорели сотни самолетов. Это понятно, был приказ: не поддаваться на провокации, в боевые действия не вступать. Теперь за один только день немцы брали до ста километров. Уныние и растерянность. Опускались руки. Как же так? А где танкисты? Доблестные войска? Где летчики? Много пережила бедная Россия, но такого, кажется, еще и не случилось. В злобе сердца, бывает, скажут: «Чтоб тебе пусто было!» Вот оно, то самое и пришло. Пусто.

И товарищ Сталин куда-то пропал. Как же так?! И начальство все обестолковело. Да и у людей много за душой накипело! Катя видела, как грубый мужик тряс в воздухе морковку — видимо, только что купил — и с озлоблением до слезы кричал:

— За что я пойду воевать?! За морковку эту я пойду воевать?!

И ведь не втолкуешь такому разобиженному на жизнь, что не о морковке теперь речь, не о хлебе насущном! А сарафанное радио шептало известия о полном разгроме «правительственных войск». Будто есть у нас еще какие-то другие, неправительственные, народные войска.

Однако очень скоро стали приходить известия о самом бесчеловечном разбое, грабеже и насилии от немцев. О пожарах и разрушениях таких, что и не верилось. Стало ясно, Гитлер — это уже вовсе окончательная и бесповоротная гибель. А тут и товарищ Сталин объявил на всю страну, что он русский, православный человек. «Братья и сестры, дело обстоит таким образом: быть ли нам свободными или впасть в порабощение?» — обратился по радио, и народ откликнулся душой на призыв, понимая, что и эту неподъемную телегу предстоит вытаскивать из хляби ему.

Уже пятого июля Катя летела бомбить... Бобруйск. Когда, в каком кошмарном сне могло привидеться такое? А вот случилось — и вроде так

и быть должно. Летели так низко, что видно было выражение лиц беженцев — обреченность, безысходность, покорность судьбе. Когда-то и Катюшина семья точно так же бежала куда глаза глядят, пока не зацепились в Курске. И как бы ни было трудно и горько — а выросли! Получили образование, профессии. Живи бы да радуйся!

Шли тремя девятками над землей, так легче проскочить мимо «фокке-вульфов». Налетели до цели и с разворота завалили железнодорожный узел. Никогда не думала, какую радость доставит ей вид клокочущего, черно-бордового кипящего огня! Отбомбились, зашли со второго разворота — вот и они! Выскочили от солнца «мессершмитты», ударили из пулеметов и пушек. И страшно было видеть, как вспухают, рвутся огнем изнутри, сгорают, не долетев до земли наши «сушки». И в каждой — братья по полку. И уже полоснуло по ее самолету — успела уйти вертикально вверх — и что это? Везде они! Черной стаей Ме-109 и трассы пуль и снарядов от них по фанерным нашим самолетам.

Зря стреляли по машинам на земле — надо бы сберечь для воздушного боя. И все же есть порох в пороховницах! Ключнул носом стервятник, задымил — и с ревом в объятия черной земли. И еще! А Катя летит рядом, божьим бичом, поймала в прицел бронированную хищную птицу, нажала на гашетку — ускользнул «мессершмитт», упал на крыло, сделал переворот и уже заходит в хвост. Слышно, заработал пулемет Коли Павлыка. А тут же рядом, с ревом, вся в косматом огне наша «сушка». Кричит Колька из турели: «Кончился запас!» Что же делать — боекомплект дается на восемь секунд непрерывного огня.

Почему мы без прикрытия?! Ни истребителя! «Мамочка моя родная!» — опять с треском рвануло обшивку, бросило в сторону взрывом — взгляд выхватил доску приборов — все на исходе! Драпать из боя — не дотянешь до своих!.. Вертится перед глазами земля, несется в глаза пыльная дорога, потянула руль, с разворотом вышла из штопора, горкой вверх — все внутри оборвалось, перестало биться сердце. Очнулась уже чуть ли не у Бога в гостях: далеко внизу черные костры сбитых самолетов, «мессершмитты» пестрой стаей заходят на наши девятки, на то, что осталось от них. «Сушки» стелятся у самой земли в бреющем полете — спасайся кто как может!

За Катей не гнались — еще минута, и накрыло холодным ватным одеялом тучи. По каплям масла на фонаре ясно: перебита система питания. Рукоятка руля хлябает — порыв троса управления. И как с такими повреждениями умудрилась избежать удара в землю? В глазах — чуть моргнешь — крестообразные машины и длинная очередь в лицо.

Позже стало известно, что в бою погибло девятнадцать наших экипажей. Правда, и вражеских самолетов сбили шесть. Хорошо, если хоть шесть. Злые летчики у них! Научились в небе Мадрида, Польши, Франции — да и где только не оставили они следы своего обучения!

Настроение в полку подавленное. Сколько друзей не вернулось домой. И уже никогда не вернется. Каждого посетила не просто горечь — отчаяние. Вроде все на виду, в одном коллективе, а каждый норовит замкнуться, спрятаться. «Умирают в одиночку», — в этом много правды. Накачки командиров: «Мы должны еще тесней сплотить свои ряды и еще точнее бить врага!» — помогали, но до известной степени. Слишком страшные потери понесли. И в чем тут дело?! Недостаточно хороша техника? Нет, сопоставима! Наши самолеты более вертки. А количественно даже и сравнивать наши армии нельзя. Офицеры — сплошь ско-

роспелки, вот что! Год учебы — и ты командир. А у них офицера муштруют семь лет.

Первый бой поверг в шок и уныние. Невольно схватишься за голову, да и начнешь считать: это когда же возьмут... Ленинград? Когда устроят парад в Москве на Красной площади? Если отбросить идеалистическое: «Этому не бывать никогда!», «Закидаем шапками!», посчитать, как в школе, «столбиком»? Берут Россию по пятьдесят километров за сутки. Расстояние от Бреста до Москвы всего тысяча километров. Значит, через двадцать дней? Так, что ли? Это что же, к концу месяца они будут там?!

Невольно заскрипишь зубами и изорвешь рубаху. Да лучше умереть, чем такое унижение, чем такой позор! Невозможно оставаться в одиночестве, ноги сами несут на люди. И там, в анализе действий наших сил потихоньку обретали какую-то — не уверенность еще — но хоть надежду на то, что все может наладиться. Поможет Бог. Хоть вслух говорили все же о партии.

Но, как ни странно, скоро наступили обыкновенные будни войны. Да, враг силен, но можно бить и его. Опытные пилоты уже подсказывали, как удобнее опрокидывать их бронированные чудовища. И появились такие асы, что сбивали хваленых берлинских снайперов едва ли не при каждом вылете. У всех на слуху сибирский летчик Покрышкин — тот хоронил за вылет до пяти «мессершмиттов»! И больше! Конечно, сегодня ты жива, — а завтра — как Бог даст, но ты сама выбрала эту профессию. Никто силой не гнал в военное училище.

Да ведь и у немцев не все рассчитано по логарифмической линейке, и они допускали такие ляпы и плюхи, что только помутнением рассудка и можно объяснить. Сбивали и они свои самолеты! Бомбили собственные позиции! При этом лютовали на захваченных территориях — все, что по ту сторону фронта, вечно затянуто дымом, кажется, ничего не осталось, все разбито, сожжено.

Наше начальство, не умея скоординировать войска, направить совместные силы на прорыв и окружение противника, научилось размахивать пистолетом и орать: «Трибунал!»

Оказываются, немецкие асы наловчились бить наши танки... из пулеметов. Пустят очередь по бензобакам — и загорелся бедный копешкой соломы. Но не все коту Масленица, наступает и Великий пост! Под городком с названием Пропойск Катина группа обнаружила скопление техники: танки, мотопехота, солдаты — собрались фашисты для броска! И вот здесь-то отвели, наконец, душу! Прорывались сквозь лай зениток, заходили опять и опять, и бомбили, поливали КС — в результате запыляло сорок пять немецких танков! До двух десятков грузовиков! Вот так-то можно воевать! И каждый смотрел теперь соколом! И победа-то уж почти что видна!

А тут еще и дождь наладился. Собрались в свободную минутку, сбегали в лес по грибы. Сколько же там красноголовиков, белых, лисичек! Такое рагу со сметаной соорудил повар — пальчики оближешь! Самое главное, уж который день ни одной тарелки со ставшими ненавистными цветами. Жив Советский Союз!

Первого сентября, как и положено, похолодало. Куда-то делись беспокойные стрижи. Улетели в безопасное место. Но через пару дней тепло вернулось, и опять настоящее лето.

День за днем подступило двенадцатое сентября 1941 года. Утром муж прошептал щекотно в ухо:

— Катюша, что тебе подарить на день рождения?

Но ведь до этого еще почти двое суток!

— Дочку! — засмеялась она.

— Дочку завести не успеем — день остается.

Будто в воду посмотрел.

Не успеют они завести детей. Капитан Игнатенко тоже погибнет.

Погибнут они, чтобы, в общем-то, жил я. И вы, мой читатель.

До двадцать пятого дня рождения Катюше оставался всего один пол-носу день. Утром, когда спешили ополоснуться и бежать на взлетную по-лосу, Павел сказал: «А я тебя сегодня видел. Ты стояла в лодке, а она качается, и волны горят! И я хочу к тебе в лодку, а ты смеешься — и брыз-гаешь водой...»

Когда застегивалась привязными ремнями, натягивала краги, все неволь-но улыбалась, представляя сон. И в самом деле, хорошо бы попла-вать на лодке по Тускари у родного дрожзавода. Там торчит допотопная кирпичная труба, и крепостная стена с таинственной железной дверью — вся в заклепках...

Первый вылет оказался удачным — отбомбились и вернулись без по-мех. Во время второго — налетели «мессершмитты» — пришлось выва-лить бомбы в чистое поле и спастись. Однако успел берлинский ас про-шить фюзеляж и продырявить плоскости, так что садилась с трудом, с двумя «козлами». Механики подхватили, увели поврежденный самолет. Время обеденное — под ложечкой сосет. Присела с медицинской сестрич-кой под крылом, обработали садины. Вскрыли банку тушенки, намазы-вали на хлеб, ели с диким чесночком. Тут все поле в его фиолетовых го-ловках — надергали жменьку.

И вдруг шум, беготня у КП — немецкие танки прорвались, вклини-лись в пределы полка.

— Срочно определить количество и направление удара! Капитан Ле-бедев ведущий, ведомой старший лейтенант Зеленко!

— Не могу, товарищ командир, самолет в ремонте!

— Возьмешь самолет Пушкина!

Влезла в лямки парашюта. Бежала к самолету, все озиралась, ожи-дая мужа, да нет его, не вернулся с задания. А небо расчистилось и такое ясное, как бывает только в сентябре, и видно далеко-далеко. Кажется, прищурься и увидишь Сумы, а там уж и Курск.

— Гля, бабочка! — И точно, на плече павлиний глаз, сведет крылыш-ки — пропадет и опять глядит во все четыре глаза!

— Это к ордену, Катерина Ивановна, — заверил штурман Николай.

Прежде чем закрыть фонарь, прокричала медсестричке под крылом:

— Не слопай! Мне оставь — я скоро!

А самолет ведущего уже взял разбег. Поспешила следом. А погодка — уж слишком ты хороша для разведки. Что бы немножко тучек доба-вить?!.. Две легкие машины уже скользили над самой землей в каких-то пяти-шести метрах — на Ромны. Места ровные, чуть только всхолмле-ны — почти та же Курщина. Все системы управления, питания, двигатель работают отменно. Отличная машина у заместителя командира полка. Сам выбирал и комплектовал на Харьковском заводе. Уж кто-кто, а Пуш-кин знает толк в авиации, оставил память о себе и в Китае, и в бескрай-них просторах России. Еще станет Героем Советского Союза и генералом авиации...

А внизу — беженцы, беженцы. Коровы, обессилевшие от голода и не-

посильной дороги. Попадаются армейские подразделения — отступают. Пару раз занесло за линию соприкосновения, и тогда при виде красных звезд на крыльях мышинового цвета солдаты кидались врассыпную кто куда, и взлетали белые бараны «эрликонов». А танков не видать! Да и много ли увидишь, уткнувшись в землю носом? Будто услышал Катюшу комэск, пошел в небо! Теперь обзор хоть куда, но и самих стало видно отовсюду. Ах, хоть бы какое-нибудь облачко! Вот и наши позиции, и их бронетехника. Танки. Но те ли? Никакого прорыва здесь нет. По крайней мере, пока. Горят жаркими кострами. Один точно немецкий. И два еще. Скорей всего, наши. Беззвучно взлетает, опадает земля — рвутся снаряды. И опять заработали немецкие зенитки — ближе, ближе разрывы.

А внизу созревшие и даже убранные нивы. А лес еще вполне зеленый, без золотых березок и красных кленов. Лебедев качнул крыльями. Что-то заметил!

— Катерина, внизу танки, — прогудел Павлык. — В лесу. Замаскированы.

— Вижу... — и не успела договорить, как длинная струя пуль и снарядов просвистела левее. Нет! Зацепило. От солнца зашли «мессершмитты». И подумать не успела, как руки и ноги опрокинули самолет на вираж и из него — в штопор. У земли встать в горизонтальное положение, и дай Бог ноги! Не раз так уходила. Задание выполнено — срочно доставить информацию! Попеременно, то обвисая на ремнях, то влипая в бронеспинку, едва не зарывшись в черную пашню, вышла из штопора, выровняла курс — и опять струями снаряды, зацепило! Их... много, кажется, все небо в крестах, все воют и брызжут огнем. Заходит в хвост! Колька бьет из пулемета — в белый свет, как в копеечку! Потянула руль, ушла круто в небо — прямо по курсу фашист! Выскочил в перекрестье, ударила — только брызнуло. И некогда смотреть, как подломился и пошел пахать русскую землю.

Но как их много! Коля строчит из турели. И екнуло: где Лебедев? Внизу он у самой земли, со шлейфом дыма — и за ним истребитель. Нет, два. А сколько осталось? Боже мой — пять! И крик:

— Кончились патроны!

Как же так? А чем же драться? Бежать невозможно — собьют.

— Прыгай!

— Катя! А ты?!

— Прыгай!

Открылся люк турели, вывалился летнаб мешком, падал, не раскрывая парашют в затажном прыжке. Она осталась одна с пятью «мессершмиттами», и каждый из них определенно сильнее. Цепенеешь от ужаса, будто тянет тебя в трубу — с пушечным хохотом утюжат, жмут к самой земле. Выстроились коробочкой — завернули, гонят на запад. Не пять уже, а все семь! Значит, Лебедев сбит. Не вырваться! Плен?.. Мелькнул в памяти полковник: «Знаешь, что они с тобой сделают?! И все газеты прокричат: «У большевиков воюют одни бабы!»

— А вы попробуйте взять русскую бабу! — Она рыдала и ругалась, ворочала рычагом управления, вращалась в воздухе почтовым голубем и так и этак, пуская последнюю очередь ШКАСов.

Ну, вот и все. Господи, на все твоя воля! Ушла свечкой вверх, упала на крыло в вираже, повернула на восток! А фашисты так и кидаются в лоб, заставляют развернуться на запад, давят к земле — и Катя пошла на единственное, что осталось. В последнюю секунду «мессершмитт» вильнул, но

опоздал! Крылом, как топором, срубила хвост — потерял управление, закрутился и запылал еще одним костром!

Бой — не шутка, слишком велика плата за одного пленного, да и скольких еще сможет отослать на тот свет вертлявый, насквозь простреленный фанерный самолет! И взмыли и зависли над непокорным «ивановым», пронзили пулеметным и пушечным огнем — а он, вспыхнув, закружился, ушел вниз.

С ревом моторов сделали круг над косматым костром, развернулись на запад и скоро истончились до точки, пропали из виду на своей стороне.

Жители, наблюдавшие бой, спотыкаясь на кочках, бежали к месту падения. Два костра горели, густо дымили на зеленом лугу. За лесом вставало черное облако третьей жертвы. Подбежали к развалившемуся от взрыва на три части бомбардировщику. Увидели летчика. Лежит ничком. Неподвижно. Молитвенно ткнувшись лбом в землю. Какое-то время стояли вокруг. Осмелев, подступили, развернули лицом. Учительница пощупала пульс. Качнула головой в отрицании всякой надежды. Достали из кармана документ. Комсомольский билет залит кровью.

— Батюшки! Девушка!

— Ну-ка, — перехватил колхозник Хоменко, прочитал: — Катерина Ивановна Зеленко. — Обвел взглядом безмолвно замерших земляков.

В тиши стал слышнее гул боя. Воют бомбы, ухают снаряды. Наступают немцы.

Сбегали в ближнюю хату за лопатами. Вырыли могилу. Постояли над Катюшей. С трудом укладывалось в голове: мастер воздушного боя, у них на глазах вырвавший из стаи двух истребителей, — оказался девушкой. А что же мужики?!

Из парашюта сделали саван. Бережно завернули. Опустили в землю, за которую воевала, которую любила, за которую принесла на алтарь страны свою юную жизнь.

Николай Павлык, летчик-наблюдатель, приземлился благополучно. Воздушный бой к тому времени сместился в сторону фронта — из-за леса видеть окончания схватки он не мог.

Капитан Лебедев дотянул на подбитом самолете до аэродрома — и тоже о судьбе Кати не знал ничего.

Село Анастасьевка на другой же день было захвачено немцами. О подвиге Екатерины стало известно только значительно позже, когда враг был выбит и изгнан за пределы нашей земли... А 5 мая 1990 года Кате Зеленко, единственной в мире летчику-женщине, совершившей воздушный таран, было присвоено звание Героя Советского Союза.

